

Людмила Соколова

**Курская молитвенница
монахиня Мисания**

Соколова Л.М.

«Курская молитвенница монахиня Мисаила»

В книге «Курская молитвенница монахиня Мисаила» рассказывается об удивительном человеке – русской монахине, в миру Матрене Гавриловне Зориной.

Ее Господь удостоил сострадательной любовью к людям, даром прозорливости и еще, так необходимым в трудную минуту, даром определенного и точного совета. И книга порождает уверенность, что монахиня Мисаила не ушла от нас, она с нами и после своей кончины, и помогает сейчас всем, кто просит с верой и надеждой о помощи и поддержке в самые скорбные дни своей жизни.

Эта книга является частью книги Л.М. Соколовой «По молитвам бабушки – молитвенницы земли Курской» (исправленная и дополненная).

© Соколова Л.М., 2010

«Своей праведной жизнью и верой матушка Мисаила угодила Богу. Более полувека прошло с тех пор, как отошла к Господу старица, но память о ее большой любви к ближним, слова утешения и ласки в тяжелые скорбные минуты по-прежнему живы в людских сердцах».

Архиепископ Герман

Посещение Владыкой Германом могилы старицы Мисаилы

Далеко проникла весть о необыкновенном человеке – курской монахине Мисаиле. До революции ее знали многие жители Курского края. Не смогла поколебать веру в силу ее молитв и революция 1917 года. И даже «сильные мира сего» в то время, когда шла беспощадная волна арестов и

расстрелов верующих, в 1937 году вернули монахине Мисаиле ее землю «ценную-драгоценную» и разрешили ей построить домик, не допустив ни ареста, ни жестоких преследований: живя в страхе за свою свободу, они сами стремились к ней, держась за ее молитвы, точные и краткие советы.

Ибо нельзя было не верить человеку, который, кроме любви к Богу и теплых молитв, не имел никакого стремления к жизненным благам.

В крохотной кухоньке, где были только столик, две деревянные скамейки и русская печь – ее «спальня», а в углах теплились лампады перед иконами Спасителя и Богородицы, жила сама любовь ко всем людям, доброта, глубокое понимание страданий каждого, независимо от социального и материального положения. И человек уходил от нее утешенный, успокоенный, получивший точный нужный совет, часто же и выздоровление.

И не случайно с 16 декабря 1953 года не зарастает дорожка к ее могиле, ибо уходя, она оставила людям утешение: «Приходите ко мне на могилу, я всегда буду там с вами». И люди идут, не только куряне, но из Америки, Германии, Ливана, Венгрии, Украины, Москвы и Санкт-Петербурга. И многие получают от нее помощь, по вере своей.

Многие уже знают о монахине Мисаиле, и я, ее младшая внучка, хочу передать о ней самые точные

сведения, чтобы не было искажений об ее прошлом, ибо порою люди, не зная ее, берутся писать искаженные данные, дописывая свои соображения.

Людмила Зорина (Соколова), 1948 год

Только мне, младшей внучке, передавала бабушка свои все жизненные события, пережитые ею. И я хочу еще раз повторить все, что мне было известно, оправдывая доверие своей дорогой бабушки и, с Божьей помощью, рассказать драгоценную для меня правду.

Удивительный человек была моя бабушка. Сколько людской несправедливости, бессердечия, порой жестокости вынесла она за свое детство и молодость, да и за всю жизнь, и ни единого слова осуждения, упрека, обиды не вылетело

из ее уст. И если что и достигло моего слуха, то только от пожилых людей, помнящих детские и юные годы бабушки.

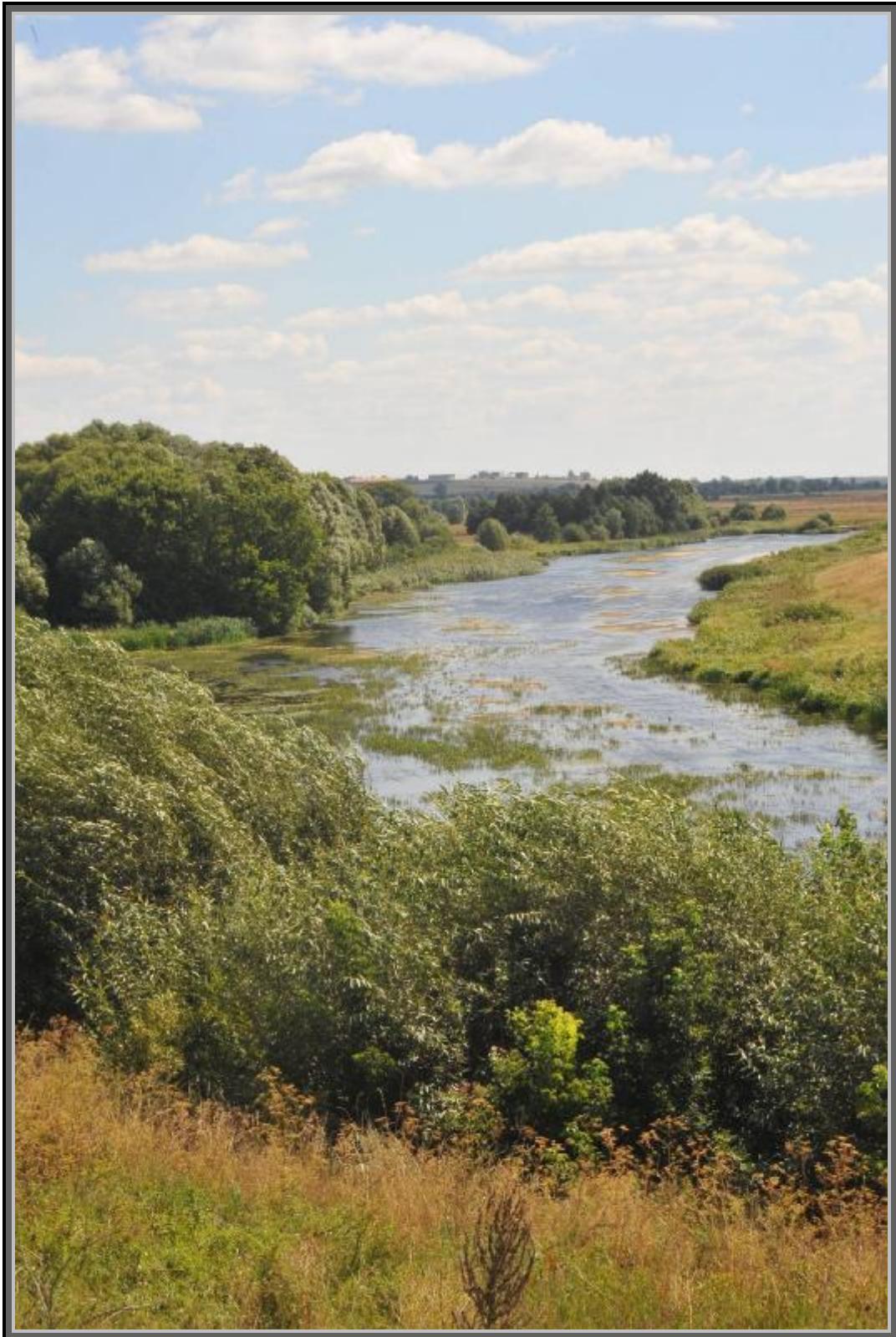
Старица Мисаила, в миру Матрёна Гавrilовна,

1953 год

Родилась моя бабушка Матрена Гавриловна Гранкина в шестидесятых годах, 19 ноября в деревне Муравлево, Бесединского уезда, Курской губернии, в небогатой семье, так как у родителей было всего две десятины земли. Кем были ее родители Пелагея и Гавриил – неизвестно, так как они оба умирают от печеного угаря, оставив двух девочек: Матрену – 6 лет и Хионию – 3 года. По решению местной власти (вероятно, крестьянского схода) каждый двор деревни Муравлево должен был на сутки брать девочек. Трудно представить судьбу этих сироток, но младшую Хионию забрал Господь, а Матрена скиталась по чужим дворам до 17 лет.

И опять, по решению той же власти, вероятно, опекунства, ее выдают замуж за зажиточного Василия Зорина. Был он красивый и сильный, и собирался уже жениться на красивой, по описанию бабушки, девушке, но накануне свадьбы, подняв тяжелый груз, повредил позвоночник, и у него отнялись ноги. Свадьба на любимой девушке не состоялась. И тогда его женили на Матрене Гранкиной. «Им нужна была работница и мои две десятины земли», – как-то произнесла бабушка. Свою обиду и душевную боль муж вымешивал на бедной сиротке. Она не имела права зайти в дом, если ее не позовут, летом спала в сарае или в сенях, а зимой – на кухне. Бабушка не могла даже помолиться в доме, она молилась и клала поклоны, когда спускалась в погреб. Вся тяжелая работа в хозяйстве

лежала на ее плечах. Она родила девочку, которая вскоре умерла.

В этих живописных местах родилась, провела свое детство и юность будущая монахиня Мисаила

29 декабря 1883 года родила сына, которого назвали Матвеем. У мальчика тоже было нерадостное детство. После всех дневных работ бабушка должна была с сыном на руках всю ночь перевозить людей на пароме. Было холодно и страшно, ведь она была еще молодой женщиной. Только горячая молитва помогала переносить все эти муки.

В 1886 году умирает ее муж Василий Зорин. Имея на руках трехлетнего сына, бабушка решает пойти помолиться по Святым местам, и поэтому, поручает своего сына свекрови. Вместе с одной знакомой девушкой они попросили благословения у архиерея Курской Епархии. Сбылась ее мечта. Курский губернатор, узнав об их намерении, дал им денег на дорогу. Но они отправились пешком. Сначала в Киев – поклониться святым местам, из Киева – в Одессу. До Одессы шли пешком. А затем на пароходе переправились в Турцию, а уже оттуда – в Иерусалим. Обе подруги уже готовились к монашескому постригу в Иерусалиме, но воля Божия была иной.

На Крещение Господне, во время освящения воды в Иордане, к бабушке, стоящей позади всех молящихся, подошел незнакомый монах. Он подал ей камушек с места, где, по преданию, стоял сам Спаситель мира, Господь наш Иисус Христос, когда принимал Крещение от Иоанна Предтечи. Еще монах подал шапочку какого-то святого и при этом сказал ей: «Возьми, тебе это пригодится». Спустя некоторое время бабушка увидела во сне, как ее заливает

вода по щиколотки, и какой-то голос говорит: «Вернись на родину, ты там нужна». Она рассказала об этом сне священнику, они долго молились о вразумлении, ведь сны бывают не только от Бога, но и от лукавого. Но сон повторился трижды: во второй раз вода была по пояс, а в третий – закрывала уже и шею. Только после этого священник благословил ее вернуться на родину. Она возвратилась в Муравлево. Из Иерусалима она привезла список иконы Божией Матери «Успение» и кипарисовую «Тайную вечерю». Стала жить с сыном Матвеем в доме, который ей подарила свекровь.

В 1890 году бабушка заболела. Болезнь была тяжелая и скоротечная: очнулась она уже в гробу, как будто от какой-то яркой вспышки. Псаломщик, читавший Псалтирь, в ужасе бежал. Когда она опустила ноги из гроба, желая встать, то увидела в святом углу, как будто в облаке, Божию Матерь «Троеручицу». Пресвятая Богородица обратилась к бабушке: «Милая моя, много ты перестрадала, много претерпела. Но теперь, где ты будешь, там и Я буду, где твоя нога ступит, там и Моя».

Что еще сказала Богородица, бабушка никогда никому не рассказывала.

*Икона Божией Матери «Успение»,
которую матушка привезла из Иерусалима*

Она получила от Божией Матери дар прозорливости, дар исцеления больных молитвами и еще один важный дар – дар совета, столь необходимого человеку в трудную минуту жизни. После своего «пробуждения от смерти» она продолжала поддерживать связь с Иерусалимом: к ней неоднократно приезжали гости со Святой Земли.

И домик матушкин в народе стали называть «монахов дом». Иерусалимский монах привез ей список иконы

Божией Матери «Троеручица».

Эта икона и по сей день находится в храме села Колодное. Бабушка принимает монашеский постриг с именем Мисаила.

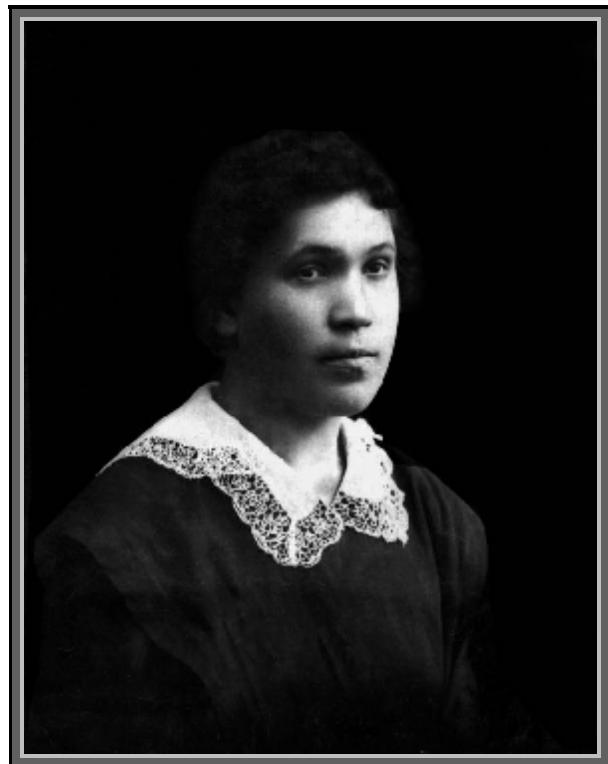
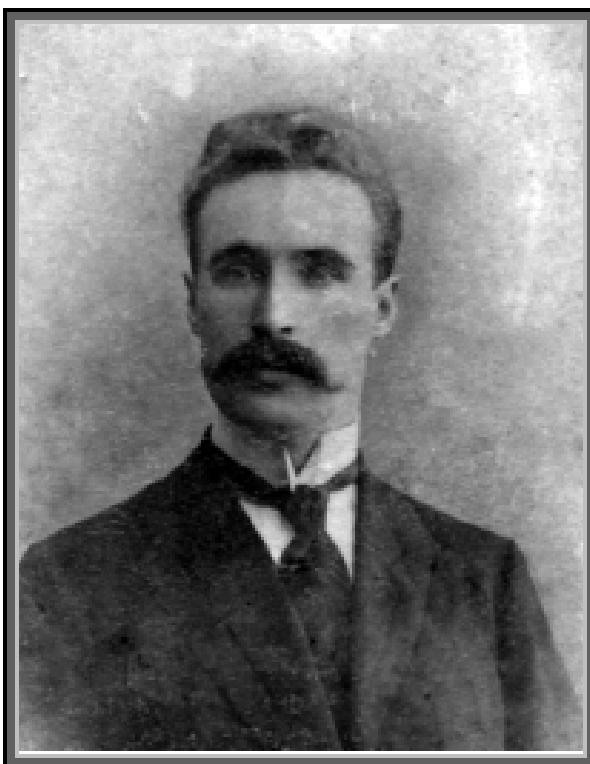
Божий дар проявился сразу, после явления Божией Матери. Первый раз она указала соседу, у которого увела лошадь, точное место, где ее найти. Постепенно ее известность среди народа стала расти. Начали приходить не только соседи, но и люди из других сел; узнавал о ней и город.

Внучка Людмила Матвеевна с отцом Александром у иконы Божией Матери «Троеручица», привезенной и подаренной матушке монахом из Иерусалима (храм в с.Колодное Курского района)

Теперь она жила спокойно: воспитывала сына, принимала людей, идущих к ней за советом.

Но тяжелое детство сказалось на развитии Матвея: он учился очень слабо. Бабушка, взяв благословение у своего духовника, соблюдает пост не только по средам и пятницам, но и по понедельникам. Постепенно мальчик выправился, благополучно закончил школу. Затем для продолжения образования его взял в семью на воспитание купец Наумов, который очень уважал и ценил бабушку.

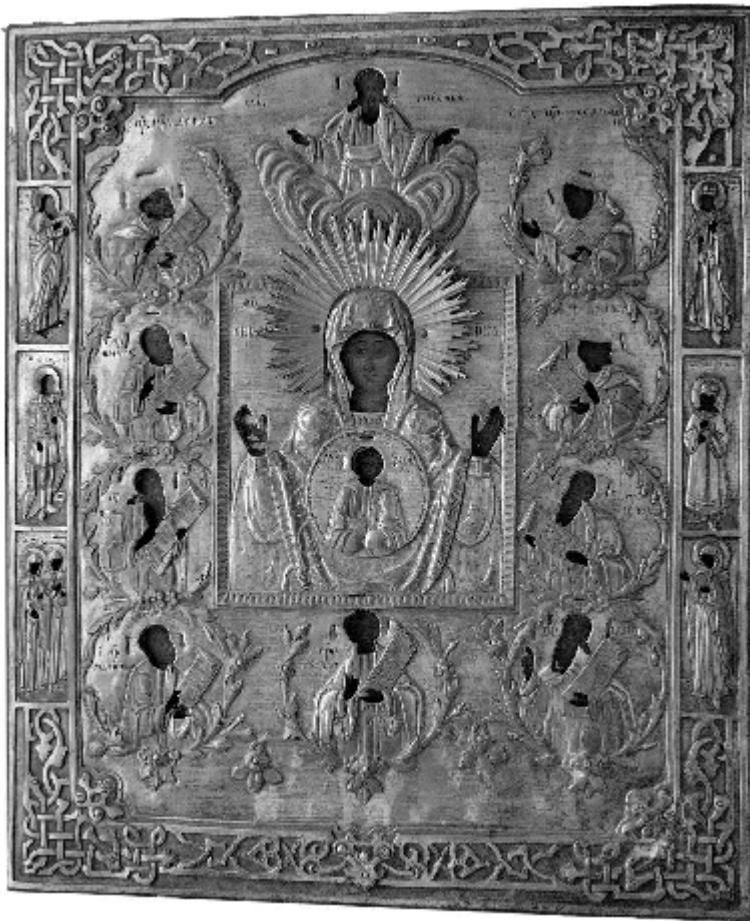

*Матвей Васильевич Зорин и его жена
Александра Афанасьевна Василевская*

Матвей Васильевич стал образованным человеком, хорошо разбирался в истории, экономике, политике. А самое главное – был скромным и до болезненности честным. До революции он жил в Петербурге, но после

революции вернулся с семьей в Муравлево. Домик матери, который ей был подарен свекровью, он перенес в другое место, которое бабушка называла «ценное-драгоценное». Помню скромный бабушкин домик в Муравлево, подаренный ей еще свекровью. Он был небольшой, но уютный, со светлой комнатой, где в углу радовала всех икона «Троеручица».

В ее чистой спаленке стояла кровать, над которой в углу всегда горела лампадка. Рядом с кроватью стоял кипарисовый сундучок из Иерусалима, в котором она хранила привезенные оттуда монашеские одежды.

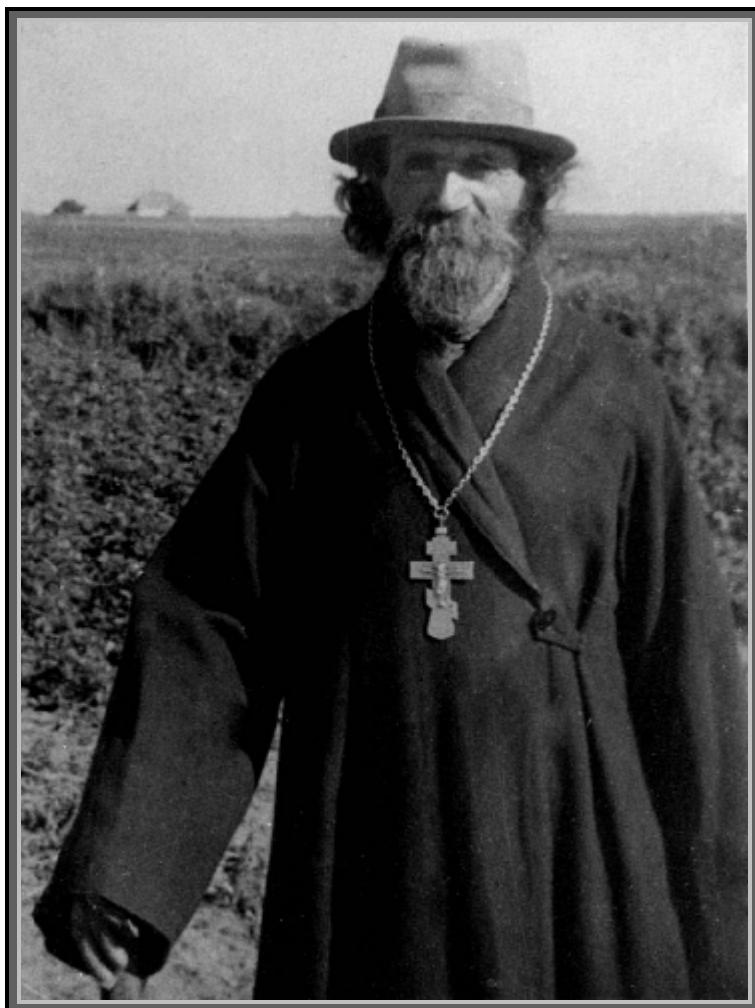
*Икона «Знамение» Божией Матери Курская-Коренная,
одна из самых почитаемых матушкой*

Уже тогда вся ее жизнь в основном проходила в кухоньке. Здесь она молилась и здесь принимала людей. Обстановка везде одинаковая: стол, иконы, горящая лампада, скамья для людей, табуретки. И все. Но этот домик простоял недолго. Началась коллективизация. Арестовали папу, бабушка была предупреждена об аресте и вовремя ушла к соседям, а оттуда уехала в Курск. Дом ее председатель сельского совета продал. Это было в 1931 году.

Монахиня Мисаила (в центре) с монахинями Свято-Троицкого женского монастыря, 1935 год

И начались ее новые скитания. Конечно, теперь она была всеми уважаемая и желанная гостья. Но у нее опять не было своего угла: в одном доме она ночевала, в другом – днем отдыхала, утром и вечером же молилась в церкви. И только в 1937 году ей разрешили построить дом. Ей помогли священник Бунинской церкви отец Михаил и его псаломщик Максим. Закупив два амбара, они поставили сруб, но сделали только кухоньку. Когда ее спрашивали, зачем ей дом, хватит, мол, и одной комнатки, – она отвечала: «Сыночку пригодится».

*Отец Михаил из Бунинской церкви (д. Бунино),
который очень почитал матушку и часто помогал ей*

И действительно, вскоре пригодился. В 1939 году пapa получил участок земли на новостройке от завода, поставил на этом участке флигель, а когда мы с сестрой Тамарой поехали к бабушке на летние каникулы, поручил нам спросить ее, строить ли дом на этом участке. Мы сразу передали бабушке папину просьбу, но она ответила только тогда, когда провожала нас назад. Благословила и сказала: «А сыночку передайте, что совета строить дом не даю, но воли не отнимаю, а если построит, то никто в нем жить не будет. Скоро вы все сюда приедете. Откроются церкви и монастыри». Мы с сестрой по дороге на станцию недоумевали: «Что может нас заставить вернуться в Муравлево, откуда нас выгнали?» Тем более, что мама работала в школе, пapa после ссылки – на заводе. Старшая сестра Нина и брат Владимир заканчивали институты в Харькове. Мы учились в школе.

И что же? Война! Всех она заставила вернуться в этот недостроенный домик в селе Муравлево: «пригодился сыночку». Его достроили, и он, маленький, стоит до сих пор. В ее кухоньке все было еще скромней: столик, сделанный отцом Михаилом, им же сколоченные скамьи для людей и одна табуретка. Спала бабушка на печке.

Зато в правом углу у нее была икона Спасителя (она и теперь там), в левом – икона «Знамение Божией Матери» – бабушкино благословение, рядом с ними – «Успение Божией Матери», которую она привезла из Иерусалима,

иконы Иоасафа Белгородского и Николая Чудотворца. Не угасая, горели и в правом, и в левом углах лампады. Но как было легко и отрадно на душе в ее кухоньке! Там при ней была благодать. Ведь в душе бабушки всегда были мир, покой, радость, благодарение за все Богу. Ее глаза излучали любовь и тепло, хотя иногда в них бывала и скорбь. Сколь скромна была ее кухонька, столь скромна была вся бабушкина жизнь.

*Икона Спасителя в кухоньке,
где матушка Мисаила принимала людей*

Вставала она рано, иногда в пять часов утра, чтобы успеть помолиться до прихода с поезда людей. После молитвы она всегда пила только чай. В кухоньке уже ожидали люди. До 4-5 часов дня не прекращался поток посетителей. Папа очень волновался, рассказывал людей, которые длинной цепью выстраивались по коридору. У каждого бабушка спрашивала его имя, кратко, точно, спокойно отвечала на все вопросы, никогда не повторялась. Иногда ей удавалось помолиться одной и отдохнуть до обеда. После обеда она отвечала на многочисленные письма из разных городов страны.

Вечером бабушка уходила к себе. Там у нее полумрак, горят лампады, тишина, а она в одиночестве сидит на скамейке напротив икон и перебирает четки. Иногда у нее ночевали люди, не успевшие на поезд, или ее близкие знакомые. В такие счастливые вечера я была рядом с ней.

Питалась она очень скромно. Мясо перестала есть еще задолго до монашества, как только умер муж. В основном квас, картофель, овощи. Очень любила лук (с луком могла даже чай пить), пшенную кашу, любила и рисовую. Признавала только свои фрукты: яблоки и груши.

Вся жизнь бабушки – это молитва. Молилась она много, и, казалось, каждое мгновение молитвы озаряло ее радостью. Глаза сияли, она простирала руки к иконе Богородицы, восклицала: «Радость, радость-то какая!» Сколько клала она поклонов! Я никогда и ни у кого не

видела таких мозолей на коленях, как у бабушки. Она молилась, когда была одна, стоя, сидя, что-нибудь делая; она молилась, принимая людей, потому что, прежде чем дать совет, она, перебирая четки и устремив взор на икону Божией Матери «Знамение», получала во время молитвы ответ от Богородицы. И только потом отвечала на заданный ей вопрос.

А вопросы были самые разные. О родных, о друзьях и соседях, о делах, о замужестве или женитьбе.

*Икона Божией Матери «Знамение», перед которой молилась
матушка, перед тем как давать ответ людям*

Если бабушка благословляла на брак, то просила: «Пожалуйста, только не в пост. А в пост женишься – счастья тебе не будет». Так и случалось. Если приходили жены спрашивать о мужьях, она всегда интересовалась, венчаны ли они. И когда слышала отрицательный ответ, сокрушилась: «Ну какой же он тебе муж... Ты сначала обвенчайся, а потом у тебя все будет хорошо».

Приезжал к бабушке секретарь обкома, ночью, разрешая свои трудные проблемы. Его вызывали в Москву, и он боялся, что снимут с должности. Бабушка успокоила: нет, сказала, снимать не будут, наградят. И точно, его повысили, вернулся счастливый.

Утром, помолившись, она обязательно прикладывалась ко всем своим иконам, а затем – к кресту, и после принятия святой воды и просфоры шла к нам и осеняла крестом все наши углы и всех нас. Часто вечером я заставала ее одну – горячо молящуюся, безмолвную, углубленную в молитву. И засыпала она с четками, пока они не выпадали у нее, уже уснувшей, из рук. Летом, когда у нее было много посетителей, она уходила по своей любимой дорожке в сад и там горячо благодарила Господа, клала поклоны и возвращалась к людям. Иногда приходила в комнату, чтобы помолиться за кого-то, пришедшего к ней, и говорила: «Господи, какой же легкий дух от этого человека», – и молилась за него. А иногда наоборот: «Какой тяжелый дух от человека». Помолится, вроде стряхнет с себя что-то

тяжелое, и – к людям. В то страшное, безбожное время она была источником духовного света: несла людям веру, упование на Бога, на силу молитв. И сама бабушка была глубоким примером любви к Богу. Никогда не унывала, не жаловалась, что зимой около печки замерзает вода в ведре, что порой тому, кто оставался на ночь, ей нечего было постелить; отец Михаил, если оставался, клал под голову березовый пенек.

*Свято-Троицкий женский монастырь, с которым
матушка поддерживала тесную связь*

Во всем она видела только лучшую сторону жизни. Казалось, что все темные силы не имеют над ней никакой власти. Отсюда те любовь, радость, мир, которые исходили от нее. Она любила людей и помогала им, она любила детей и всегда старалась любого ребенка порадовать, чем могла, любила все живое. Терпение и смирение были у нее особенные: сколько бы ни приходило и ни приезжало к ней людей, все получали совет и помощь.

До коллективизации бабушка ходила в свою церковь «Всех скорбящих Радость». В уголке было ее местечко, где она всегда стояла во время службы. Часто она брала с собой мою старшую сестру Тамару, которая с шести лет очень любила ходить с бабушкой в храм. И она не пропускала ни одной службы.

После ухода бабушки из дома и восьмилетнего скитания в Курске по чужим домам она чаще всего бывала во Введенском храме, Свято-Троицком женском монастыре. После войны (церковь в с.Муравлево была разрушена) открыли молитвенный дом. Здесь и была икона «Троеручица», которую спасла при раскулачивании соседка Прасковья Ивановна, а потом передали в храм села Колодное. Священник наш отец Федор очень бабушку ценил и уважал. Он ее всегда причащал в ее кухоньке, так как ходить далеко она уже не могла. Батюшка часто служил молебны с акафистами. Перед смертью он же ее причащал и соборовал. Приезжали священники из Курска, из Обояни,

Тима и других сельских приходов. Особенно часто бывали отец Михаил из Бунина и отец Павел из Курска. Отец Павел был высокообразованным человеком, окончившим медицинскую и духовную академии; во время войны он переправлял партизан из оккупированной территории к своим. Но сначала в таких случаях он всегда приходил к бабушке за советом. Только получив ее благословение, он переправлял партизан к своим, укладывая их в гробы, как умерших. Впоследствии отца Павла перевели в Москву.

Всех бабушка радушно принимала, встречала людей, приехавших из города, словами: «Птички мои прилетели». Ночью ли, рано ли утром, поздно ли вечером, всех приютит, накормит. Сколько побывало в ее кухоньке людей, сколько пролито было там слез, сколько утешено сердец и подано надежд! Сколько раз она оказывала незримо помощь людям! Даже когда приезжала к сыну в Харьков, где он вместе с семьей жил после ссылки. Тогда люди умирали от голода. Бабушка, получив свою порцию хлеба, тайком носила ее, пока жила у нас, одной одинокой женщине. Только позже эта женщина рассказала маме, как спасла бабушка ей жизнь.

Люди к ней шли, ехали, прилетали из Риги, Ленинграда, Евпатории, Москвы, не говоря уже о близлежащих городах. Зато сколько волнений и неудобств приносили эти люди районному прокурору и местной власти! Они пытались разогнать людей, забрать, запугать их

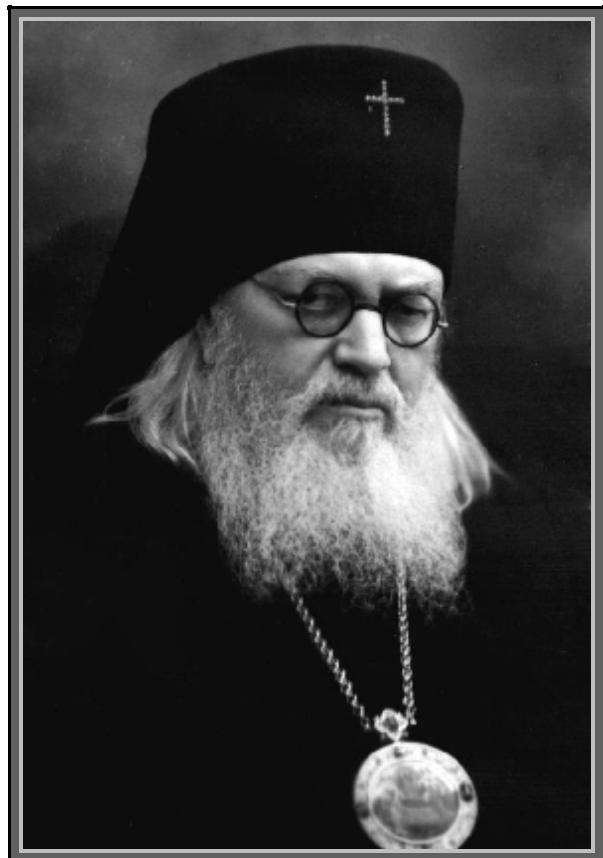
и бабушку, но она отвечала: «Я никого не зову, их зовет горе, и я не могу их не принять».

Никогда ничего не просила она у людей, а если получала от одних, то отдавала другим. Ежедневно приходило много писем, в каждом было горе, в каждом был вопрос: «Что делать?» Отвечала бабушка всем по вечерам, проводив последнего человека. Ее секретарем была невестка – наша мама.

Присыпал письма и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) из Симферополя; он прислал бабушке свою фотографию, которая до сих пор сохранилась. Письма хранить не могли, после ответа сжигали.

К бабушке шли за советом, и она отвечала кратко, дважды никогда не повторяла. Если она считала какое-то дело полезным, она благословляла, а если считала, что делать чего-то не надо, то говорила: «Совет не даю, а воли не отнимаю».

Бабушка видела настоящее посетившего ее человека, предвидела его будущее и на основе этого давала исчерпывающий ответ.

Фотография святителя Луки, подаренная монахине

Мисаиле с дарственной надписью на обороте.

Канонизирован, мощи святого находятся в Симферополе.

Наша семья жила бабушкиными советами; мы, внуки, ни одного экзамена, ни одной поездки не начинали без бабушкиного благословения, особенно после войны. Иногда она хотела как бы предупредить, не огорчая, не убивая надежды, что жизнь тебе готовит не розы, а тернии. Так, мне, тогда совсем молоденькой, веселой, живой, любящей развлечения, бабушка трижды в разное время повторяла: «Хорошая была бы монахиня». Я каждый раз удивлялась. Тем более в те времена и церкви закрывались, и монастыри. Да, она просто не хотела меня лишать веры в счастливую судьбу. И вся моя жизнь, кроме двух лет замужества,

прошла в одиночестве, в воспитании сына. Я всегда задумывалась, почему бабушка из всех внучек говорила только мне: «А у тебя будет свой дом и пианино». Да, свой, потому что у остальных сестер были мужья и их дома. Да, у меня появилось пианино, и я построила, действительно, «свой дом».

Матушка Мисаила в кругу своей семьи: сын Матвей, внучка Людмила, невестка Александра, внучки Тамара и Нина с младенцем, 1950 год

Удивительно, но мы все – четверо внучек, один внук и невестка (наша мама) – никогда не спрашивали ее, что ждет нас в будущем. Мы знали: если нужно, бабушка скажет сама. В основном мы обращались за советами, которые касались настоящего. Так, как-то летним вечером бабушка

позвала нас с сестрой Ритой полюбоваться звездным небом, а потом неожиданно сказала: «Ты, Рита, будешь по природе кем-то, а ты, Люда, побываешь и в Крыму и в Риму». Я спросила: «И за границу поеду?» «Да, – ответила бабушка, – только не путешествовать, а работать». Это было сказано в 1939 году, когда о загранице и мечтать было опасно.

В 1941 году сестра готовилась в вуз, окончив десятилетку. Перед отъездом в Харьков попросила бабушкиного благословения, и она, благословив, сказала: «Ты не волнуйся, попадешь в вуз. Скоро начнется война, мальчиков призовут в армию, а девочек примут в вуз без экзаменов». Так и было. И стала моя сестра работником «по природе» – метеорологом.

А меня, почти ребенка, увезли в 1942 году в Германию, попала в город Бремен, потом в город Норденхам. В 1956 году я снова оказалась (теперь уже по направлению) в ГДР, в городе Нойштрелиц, а оттуда с мужем – на Камчатке. С Камчатки – в Ленинград; в 1965 году переехала в Курск. Так исполнились слова бабушки.

Старшая сестра Тамара интересовалась у бабушки: не пошлют ли ее после окончания института в деревню. Бабушка сказала: «Нет, ты будешь работать и не в городе, и не в деревне». В 1949-50 годах город Геническ был, действительно, ни тем, ни другим.

Тамара Зорина, 1962 год

После возвращения из Германии я экстерном сдала экзамены на аттестат зрелости, а в 1947 году поехала в Харьков сдавать экзамены в вуз. Бабушка меня благословила: «Все сдашь хорошо».

Вернулась уверенная, что буду зачислена. Жду телеграммы из Харькова. Сидим мы утром за столом, завтракаем, а бабушка мне вдруг говорит: «Ничего, хоть последнюю, но тебя зачислят». Я была удивлена, у меня были хорошие оценки, но одного не учла: была в Германии. И вот телеграмма – в списках нет. С большим трудом мне пришлось доказывать свою невиновность. И только 30 октября 1947 года, самой последней, я была зачислена в вуз. Разрешили мне съездить домой, так как зачислили меня без

стипендии. Дома, перед отъездом в Харьков, я попросила у бабушки совета: «Не перейти ли мне на заочный факультет, а днем устроиться на работу?» Благословив меня, она ответила: «Поезжай спокойно, тебя ждет стипендия». И только вошла я в здание, меня встретил заместитель декана Мирошниченко: «Людмила, зайди в деканат, ты получаешь стипендию. Не приехал один студент, зачисленный со стипендией».

Бабушка нас, внучек, очень любила, всегда с радостью нас встречала, всегда неохотно провожала в Харьков. Но, к удивлению, однажды утром она обращается ко мне: «Хорошо бы, внучка, тебе уехать сегодня». Но в этот день я не успела уехать, а на другой день папа пошел провожать меня до станции Полевой. Мы недалеко отошли от дома и встретили соседку Прасковью Ивановну, она шла из Полевой. «Куда вы идете?» – спросила она папу. «Провожаю дочку в Харьков». «Вернитесь, сегодня ночью сгорел Гуторовский железнодорожный мост. Все поезда стоят». Я опоздала на занятия почти на полторы недели.

В день, когда началась война, мы с мамой только–только приехали к бабушке, и она сразу сказала: «Придет немец сюда, а Курская область будет границей. Только как придет, так и уйдет». Как нам не хотелось от бабушки этого слышать! Но она подтвердила: «Не моя воля, воля Божия». Немцы уже подходили к Сталинграду, уже многие стали сомневаться в победе наших войск, но бабушка знала: «От

Сталинграда немцы бежать будут». Успокаивала она секретаря Бесединского райкома партии, руководившего партизанским движением. Она его, бывало, накормит, обнадежит: «Скоро немцы будут бежать». И получив благословение, он опять уходил в свой отряд. Уже после Победы секретарь райкома партии собрал на площади около школы людей: «Подумать только, – говорил он, – столетний человек верил, что немцев побьем, а вы им тут гусей на обед носили...».

Уместно здесь подумать о достоинстве побежденных, а ведь матушка за всю войну не съела ни плитки немецкого шоколада, ни кусочка сыра – ничего: «Нет, – отказывалась она, – не хочу».

Приезжал к ней и комендант станции Полевая, немецкий офицер. «Бабушка, не бойся, говори только правду», – обращался через переводчика немец. Она ему ответила: «Я никого не боюсь, у меня, кроме Бога, нет другого страха». Он волновался за свою семью в Берлине, но бабушка его успокоила: «Семья твоя жива и никто не погибнет, а вот дом ты строишь в Полевой напрасно, скоро вы будете бежать отсюда, и пока ты будешь вывозить вещи, твой дом расташат по бревнышку». Офицер не поверил, что будут бежать, а так и было: он вместе с солдатами выносил вещи, а наши люди уже растаскивали дом.

Комендант даже возмутился: «Русские, что вы делаете? Ведь этот дом может быть вокзалом, клубом!» Но увы! Дом

растасчили. Немало русских солдат и офицеров посещало бабушку во время войны, всем хотелось жить. И она старалась утешить, накормить, дать крестик, благословить. А проводив, многих тут же оплакивала. Особенно остался в памяти совсем юный лейтенант, которому бабушка сняла свой крестик и благословила его, а когда он ушел, вытерла слезы: «Он не проживет и до утра».

Ранее, до прихода немцев, в село вошли наши части и предупредили людей, чтобы они оставили село, так как здесь будет линия фронта. В саду у нас установили тяжелую артиллерию.

Я прибежала к бабушке со слезами: «Куда мы пойдем?» А бабушка топит печку и спокойно мне отвечает: «Успокойся, внученька, никуда нам идти не надо, сегодня ночью наши части отступят». Это казалось настолько неправдоподобным: кругом копают, устанавливают пушки, а бабушка спокойно топит печку. Ночью мы проснулись от грохота, я думала, что началось сражение, а это отступали наши части.

Людской поток нескончаемо лился к бабушкиному домику: из деревни и из города, свои и чужие, старые и молодые. Шли и шли. О незнакомых писать трудно – были да ушли.

Совсем другое дело, когда приходили соседи или знакомые из города, которые потом подтверждали сказанное бабушкой. Молодая односельчанка Евфросинья

пришла узнать о муже: «Бабушка, от Петрака (так звали ее мужа) нет писем, погиб, наверное?» Бабушка молится, перебирает четки и затем уверенно говорит: «Жив твой Петрак – ранен в ногу, скоро получишь известие, и сам потом будет». Действительно, Евфросинья получила письмо, принесла его бабушке, в нем говорилось, что муж ранен в ногу, лежит в госпитале в Алма-Ате, обещал после выздоровления заехать домой. Прошло некоторое время, женщина опять вечером прибежала к бабушке: «Что-то случилось, наверное: нет Петрака и писем нет». Бабушка сидела на своей скамье, я – рядом с ней. Горели лампады, такой был мир кругом, и вдруг бабушка, как бы недовольная: «Зачем ты пришла, иди домой».

Я подумала, что, наверное, ей надоели одни и те же вопросы. Женщина молча ушла, но поздно вечером пришла вновь радостная и сообщила, что Петрак ждал ее у порога, пока она была у нас. Мы с сестрой замечали, что бабушка никому не сообщала: «Твой сын или муж погиб», но мы хорошо понимали по интонации. Если она как-то вяло, коротко, будто ей тяжело, говорила: «Бог даст, будет жить, молись», то мы понимали: погиб. Если она отвечала уверенно, иногда описывая мелочи, окружающие данного человека знали: «Жив!».

Часто приходила еще одна женщина, имени не помню, потому что звали ее все Николаевна. Муж ее Клим был на фронте. Приходила она со своей соседкой. Бабушка что-то

ответила быстро, а на вопрос Николаевны о муже долго не отвечала. Все молились, перебирая четки, как бы всматриваясь в икону Богородицы. И наконец сказала: «Жив твой Клим, только в очень темном и тесном месте, но ничего, придет домой и даже подарок тебе привезет». Шли эти женщины домой, а Николаевна думала: «В темном и тесном месте, наверное, в гробу. Не захотела матушка Мисаила меня расстраивать. А вот что за подарок?» Прошло время. Вернулся ее Клим домой. Оказывается, он с частью попал в плен, их немцы загнали в подвал какого-то дома, настолько маленький, что они не могли даже присесть. Ночью началась бомбежка, угол дома был разрушен бомбой, все пленные бросились врассыпную. Прошли ночью линию фронта, по дороге из плена попался магазин, который разбирали люди, ему достался рулон ситца. Вот и подарок жене. Господи, какими неведомыми путями прошла бабушка с ним этот путь!

Люди, жившие около станции Полевая, старались уехать куда-нибудь подальше от железной дороги. Приходит к бабушке знакомая женщина за советом, стоит ли ей с семьей переехать в другую деревню к родным. А сама уже перевезла часть вещей. Бабушка ей говорит: «Галина, пока не поздно, верни вещи домой в Полевую и оставайся на месте, война – везде война». Галина послушала совета, сразу все вернула домой, а село, куда она собиралась переехать, смело: там прошли бои.

Совсем недавно, в октябре 1997 года, у своего знакомого я встретила бывших коллег. Одна из них, Елена Викторовна, тут же поделилась своими воспоминаниями о своей встрече с нашей бабушкой. Во время войны Елена Викторовна жила с матерью в Курске, а ее тетя, врач, была на фронте. Однажды к ним пришла женщина, якобы по просьбе их тети, которая (по словам пришедшей) попала в плен и просила передать ей теплое пальто и какие-нибудь продукты. Они не знали, как поступить, но женщина сумела их убедить. На другой день Елена Викторовна с матерью собрали кой-какие вещи и, положив их на саночки, пошли обменивать в деревню. Им посоветовали зайти к матушке Мисаиле. Она выслушала их и сказала: «Сестра и тетя ваша в центре, скоро получите телеграмму и посылку». Они хотели чем-то бабушку отблагодарить, но она даже и слушать не захотела. Это было в январе 1943 года, а в феврале Курск был освобожден от немцев, и они получили телеграмму от сестры матери из Москвы (центра) о том, что она работает в госпитале и высыпает им посылку.

Всех, кто посещал бабушку, ждал одинаково теплый прием: нищего ли, колхозника или руководителя предприятия. Среди гостей бабушки была и жена секретаря обкома, которая всегда приезжала на машине ночью, и никто, кроме нас, никогда не знал об этом визите. А сколько приходило к бабушке душевно надломленныхвойной людей! Среди них была и девушка, возвращавшаяся из

Германии, которую отец ударил прикладом по руке, чтобы забрать чемодан, не ведая, что это дочь его, а ей ампутировали руку; и жена полковника, скорбящая о том, что ее муж в Германии отобрал у немецкого ребенка фартучек, в котором осталась надкусенная детскими зубками морковка; и офицер, который в городе Дрездене на трамвайной остановке снял с немки котиковую шубу, и с тех пор ее молчаливый укор преследовал его везде; и бывший офицер, которого после боя спас немец, перевязав ему раны и дав ему выпить из своей фляжки коньяк, а он застрелил немца из-за золотых часов, и только сам поднялся, как шальной снаряд оторвал ему руку с часами... и много других. Все они приходили к бабушке за помощью, за врачеванием своих душевых недугов. И она молилась за каждого из них.

Я почти всегда на праздники и каникулы приезжала домой; обычно поезд из Харькова на станцию Полевая приходил ночью, а до Муравлева – четыре километра от станции, и я не решалась идти домой одна, заходила ночевать к знакомой, Елене Сергеевне. Бабушку она очень любила и часто ее навещала. Жила она одна около станции в добротном доме, оставленном ей родителями. Дом этот углом вдавался в усадьбу купца Наумова. У него в Полевой сразу за станцией был дом, мельница, крупорушка. До революции он поставлял в Германию гречку. Ему очень не нравился втиснутый в его усадьбу угол дома, и он

предложил Елене Сергеевне перенести ее дом в другое место. Она пришла к бабушке со слезами. Та ее успокоила: «Не волнуйся, согласия не давай на перенос: твой дом как стоял, так и стоять будет, а от усадьбы Наумова и камушка не останется». А ведь бабушка с купцом Наумовым была в очень хороших отношениях, но это было не ее желание, а воля Божия. Дом Елены Сергеевны стоит до сих пор, хотя ее уже нет, а от большой усадьбы Наумова даже камушка не осталось. Сначала революция, потом война. Мельница, крупорушка, дом – были взорваны, а люди растащили все что можно было, все до последнего камушка. И теперь там проходит дорога и построены магазины.

И прошлое, и настоящее, и будущее были открыты бабушке до мелочей. Захожу я как-то к ней, никого нет, а бабушка подметает пол. (Она любила по возможности чем-нибудь заняться: подмести пол, навести порядок в ящичке своего столика, помыть бутылочку для святой воды, передвинуть лестницу в коридоре и самой подняться за травой на чердак. При этом она никому не разрешала помогать ей: «Я сама»). Подметает она как-то пол и горюет: «Ох, жалко рабу Божию». «Какую, бабушка?» – поинтересовалась я. «Да вот, несет мне такой большой арбуз, такой тяжелый». Через некоторое время – стук в дверь, и на пороге появилась женщина с огромным арбузом.

Наш брат Владимир собрался поступать в институт, летом поехал к бабушке за советом. А бабушка, благословляя его, сказала: «А поступать в институт я тебе совета не даю». Володя был очень огорчен, а мы все удивлены, ведь он был очень способный. Но брат все-таки поступил. Учился прекрасно, получил диплом с отличием, хотя ему было трудно материально: годы были голодные. Родители помочь ему не могли, и он днем учился, а вечером работал в столовой счетоводом.

Закончил вуз прекрасно, получил назначение в Новосибирск начальником гидростанции. Месяц проработал, взяли в армию. Началась война – он погиб.

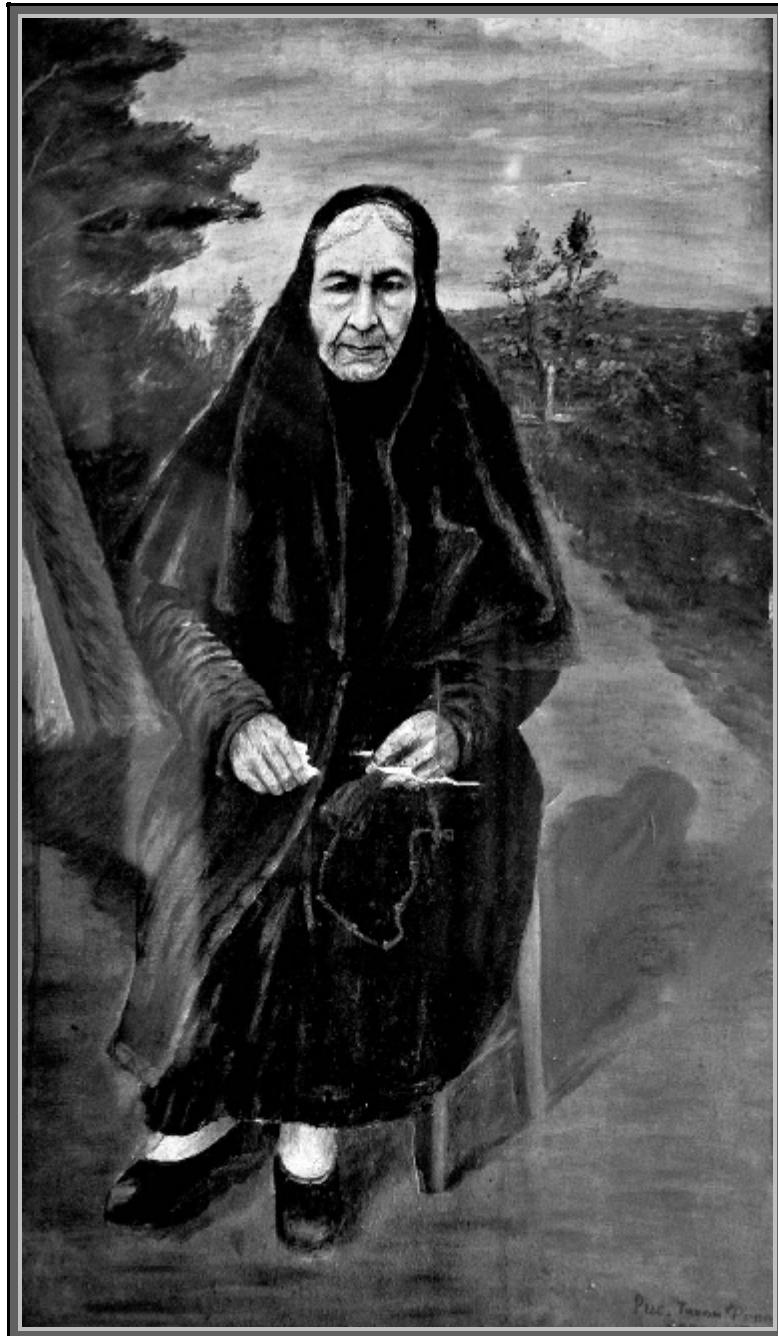
Никому даже не понять, как мы, внуки, любили бабушку, это трудно объяснить, но когда мы ехали домой, мы думали не только о родителях, а мечтали о встрече с бабушкой. Перед отъездом домой каждый из нас на последние рубли и копейки покупал бабушке самое лучшее по тому времени, все, что могло ее порадовать, ибо другого такого человека для нас на земле не было. А с какими только недугами к ней не приходили: и с сердечными, и с телесными, и бесноватые – все шли. Лечила она, прежде всего, силой Божией. Молилась, давала святую воду, использовала для лечения и травы. И больным, и бесноватым она клала на голову шапочку, сверху – камушек (те самые – из Иерусалима), а на камушек – руку и читала молитвы. При этом никогда не пропускала «Да воскреснет

Бог». Я сама была свидетельницей того, как бабушка лечила бесноватую. Войдя в коридор, я услышала собачий лай, несшийся из бабушкиной кухни. Я испугалась и ворвалась к ней. И что же? На табуретке сидит женщина, бледная, пот льется по лицу – и лает. Никогда бы не поверила, если бы не услышала и не увидела сама. Потом женщина успокоилась, и бабушка положила ее отдохнуть. Мне же сказала: «Внучка, когда я лечу, никогда не заходи сюда, на меня это не действует, а тебе может повредить».

Приезжал к нам архитектор из Тулы, не знаю, жив ли он, надеюсь, что – да. Он был очень красив и, возможно, какая-то злопамятная женщина решила отомстить ему за неразделенное чувство. Где он только ни лечился, пока не узнал о бабушке. Свою благодарность этот человек выразил на полотне, изобразив бабушку сидящей с четками, и, кроме этого, написал еще один ее портрет. Первое полотно висит почти на том месте, где сидела бабушка, когда принимала людей, а портрет – в нашей маленькой столовой.

Как быстро известие о ее чудодейственной силе разлеталось по городам и весям! В Харькове никто из нас никому не рассказывал о бабушке, но не успела она к нам приехать, как ее пригласил полковник милиции к шестилетнему сыну, не ходившему с детства. И бабушка вернула здоровье ребенку. Каждый год потом эта семья приезжала в Муравлево. Мальчик всегда садился на скамеечке у бабушкиных ног, обнимал их и с любовью

повторял: «Моя бабушка, моя дорогая бабушка». Где он теперь – не знаю. Встретила их всех перед нашим домом за год до смерти бабушки в 1952 году.

*Портрет монахини Мисаилы,
нарисован архитектором города Тулы
Тихоном Фроловым в знак признательности
за исцеление от смертельной болезни*

В возрасте 3-х лет я заболела гнойным плевритом. В курской больнице выкачивали из моих легких гной, но он опять быстро накапливался. В груди моей были уже не хрипы, а сплошное клокотанье. Врач спрашивал у мамы согласия на операцию, больше они ничем помочь не могли. Бабушка не разрешила оперировать, и мама забрала меня из больницы. Я очень хорошо помню, как соседка заглянула в открытое окно, увидела плачущую надо мной маму и «успокоила»: «Что ты плачешь? Плачь не плачь – все равно умрет».

Но бабушка не переставала обо мне молиться. И ей приснился сон: я играю на травке около ее дома, подходит юноша с кисточкой в руке и спрашивает: «Матренушка, отчего ты плачешь?» – «Внучка моя младшая умирает». – «Подведи ее ко мне». И он нарисовал мне крестики на левом и правом боку. «Пособоруй ее», – и ушел. Я до сих пор помню, как меня держала мама на руках, священник смазывал мне ручки и ножки, а сам боялся, что не доживу до конца соборования. Но произошло чудо: вечером у меня открылась рвота, и весь гной вышел, легкие очистились. Через несколько дней я начала просить маму: «Хочу хлебца с маслицем».

Пришла к нам однажды женщина просить благословения на замужество дочери. Бабушка посоветовала: «Подожди, повремени. Будет у дочери твоей другая свадьба, и все подружки на ту свадьбу соберутся».

Немного времени спустя дочь той женщины убило молнией в грозу. Вот и собрались все подружки на похороны, проводить Христову невесту.

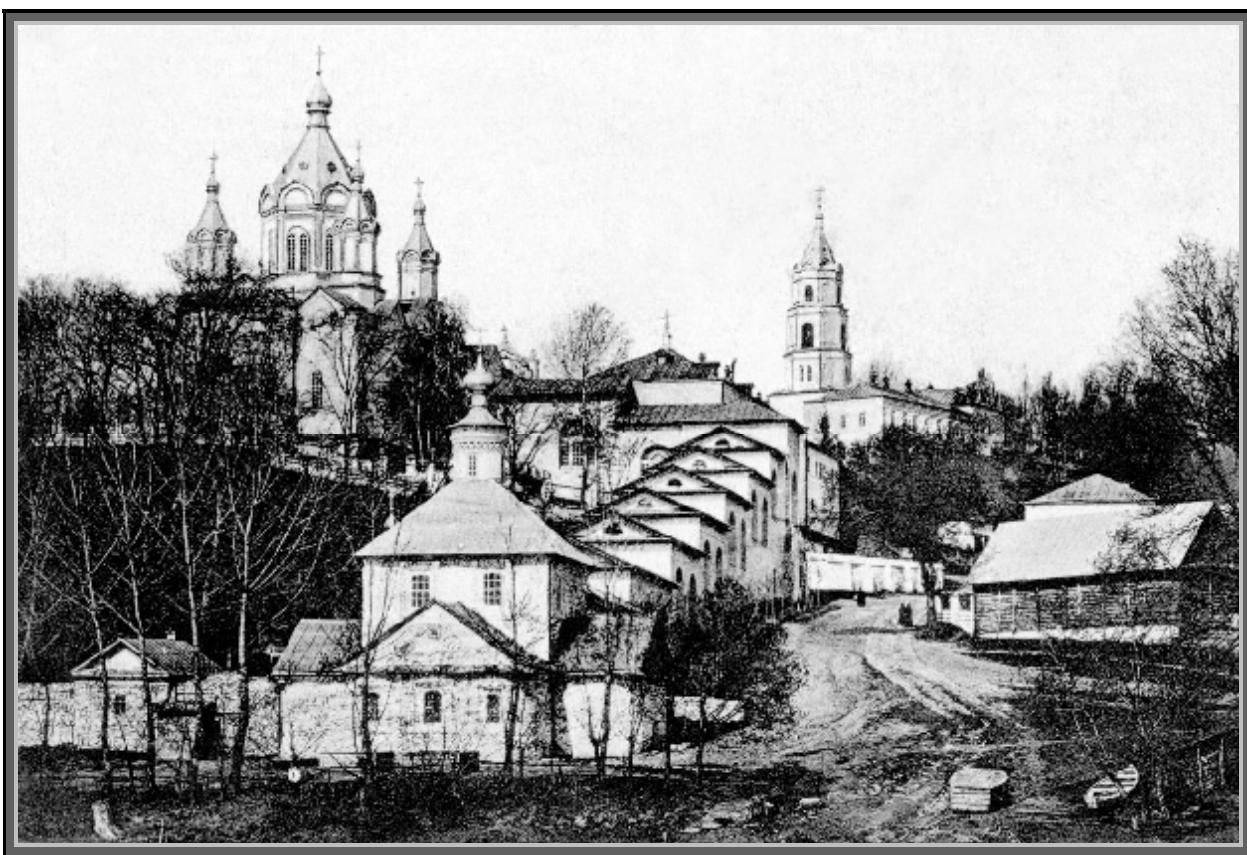
Она помогала людям, как могла: и словом, и делом. Получив от одних, тут же вручала другим, неимущим. Многих она спасала в городе во время войны. Я знаю семьи, которые выжили только благодаря бабушке. У нее ничего не залеживалось. Тесную связь бабушка поддерживала со Свято-Троицким женским монастырем г.Курска, почитали и ценили ее в мужском монастыре – знаменитой Глинской пустыни. Но уже в сентябре 1953 года бабушка стала повторять: «Готовься к ответу – добрых дел нету». И тут же добавляла: «Готовит мне моя подружка место в Иерусалиме». Я очень огорчалась, слушая ее.

Незадолго до смерти Сталина бабушка сказала: «Скоро Stalin умрет, и придет русский, но ненадолго, на очень короткий срок». Действительно, Маленкова быстро отстранили от власти.

Очень часто бабушка посыпала людей в Коренную пустынь, даже тогда, когда туда не допускали людей. Многим она советовала: «Отслужи молебен Божией Матери или Николаю Чудотворцу» в зависимости от скорби или болезни приходящего к ней человека. Нам она всегда говорила: «Будь ниже – да к Богу ближе» или: «Смирение и терпение – превыше поста и молитв», «Где можно, лучше помолчи», «Слово – серебро, молчание – золото».

Глинская пустынь, которую очень почитала матушка

*Коренная Рождества Пресвятой Богородицы
мужская пустынь, в которую матушка направляла людей*

В запомнившемся 1953 году я была переведена из Сумской области в Курск. Перевод был дан, а места не было. И я очень благодарна Богу, что он дал мне возможность побыть эти последние месяцы с бабушкой. После вечернего чая я провожала бабушку в ее милую, с горящими лампадками, кухоньку, и мы до самого сна разговаривали. Она как-то сказала: «Скоро ты устроишься на работу, тебе поможет мужчина». А после добавила: «А на работе ты будешь руководить людьми». Я удивилась: еще работы не имею, а бабушка говорит о руководстве. Зашла как-то к знакомой в Курске на работу, она была занята, сидел ее директор. Пока я ожидала ее, мы с ним разговорились, он узнал, что мне нужна работа, и тут же предложил мне вакансию, правда, временную. Я охотно согласилась. Позже он рекомендовал меня, когда из отпуска вернулась его работница, на другое место. А руководить я стала только через шесть лет, и руководила двадцать два года.

Незадолго до моего устройства на работу мама, бабушка и я утром пили чай. Бабушку уже ожидали люди. Вдруг она уронила чашку с чаем и упала со стула. Я бросилась к ней, подняла ее и посадила. Она даже сразу не поняла, что случилось. Это было в конце ноября 1953 года. Мы с мамой очень просили ее в этот день полежать, но она отказалась и пошла к людям. С того дня она стала слабеть, потеряла аппетит, но приходивших к ней людей не хотела

огорчать отказом. Помню, как в воскресенье вечером бабушка позвала меня к себе: «Пойдем, я тебя благословлю, ты будешь уезжать на новую работу, я еще буду спать». Я чувствовала бабушкино состояние и недомогание, когда она меня благословляла крестом.

*Монахиня Мисаила с невесткой
незадолго до кончины, 1953 год*

В пять часов утра я уже пошла на станцию. Первый день на новой работе прошел хорошо, но на следующий день к вечеру меня охватила такая тревога, такое беспокойство, что я металась по комнате своей знакомой Зинаиды Ивановны, не находила нигде места и решила твердо: утром нужно ехать домой. Напрасно меня пытались успокоить и уговорить: «Как ты поедешь, ведь ты только устроилась на работу, и уже на третий день не явишься?!» Но никакие уговоры меня не удержали. Вечером я не могла заснуть, а утром поехала домой. И только сошла с поезда, встретила соседку Прасковью Ивановну. «Иди скорее, Люда, бабушка умирает». Я эти четыре километра почти бежала, рыдая и моля Бога, чтобы бабушка не умерла. Открыла дверь в коридор и, увидев плачущую маму, закричала: «Бабушка умерла?» Мама успокоила: «Нет, она ждет тебя, но уже умирает». Бабушка открыла глаза, она даже спросила: «Как твоя новая работа?» Я ей ответила: «Хорошо, мне нравится, но она временная». «Ничего, ты без работы никогда не будешь». До самой последней минуты она думала о ближних. Ее слова оправдались опять, я никогда не оставалась без работы.

Впервые бабушка лежала не в кухоньке, а на диване в комнате. Накануне отец Федор пособоровал и причастил бабушку. (За всю свою жизнь бабушка не обратилась ни к одному земному врачу, а только к Небесному; не проглотила ни одной таблетки. Она никому никогда не

доставляла хлопот, старалась никого не обременять и не беспокоить). И мама поняла – это конец.

Всю ночь до моего приезда бабушка, едва закрыв глаза, благословляла рукой людей, как будто перед ее внутренним взором проходили все, кого она знала, кто просил у нее помочь за долгие годы жизни. Иногда делала замечания: «Говорила же тебе, не пей... не пей же», – обращалась она к кому-то, ей одной известному, и снова благословляла. Один раз даже возмутилась: «Сто лет прожила, а такого человека не встречала». Я не отходила от бабушки с момента приезда и до последнего ее вздоха. Смачивала губы, ибо они очень сохли. Рука ее уже лежала неподвижно, и только кисть продолжала совершать крестное знамение. На мгновение открыла глаза, посмотрела на меня. «Внучечка, делай людям добро, не делай людям зла!» Закрыла глаза и тут же ушла от меня в свой особый мир. Потом попросила позвать маму, ей она сказала: «Пошли Тамаре (это моя старшая сестра) сто рублей, она сейчас очень нуждается». Из Риги приехала девушка, плачет, просит пустить ее к бабушке. Мне очень не хотелось беспокоить лежащего на смертном одре человека, но бабушка сказала: «Пусть войдет». Это был последний человек, который получил от бабушки совет и благословение перед самой ее кончиной. В пять часов вечера пульс был 140 ударов. Папа, мама и я были с ней рядом, пульс падал, к шести часам вечера он упал до 120 ударов. Я обрадовалась: «Мама, бабушке лучше, у нее пульс

120». А мама ответила: «Бабушка умирает», и спросила ее: «Что у тебя болит?» Тихо-тихо бабушка ответила: «Все». Лоб ее покрылся холодным потом, я вытирала его полотенцем, и из глаз бабушки катились слезы. «Отчего ты плачешь?» Бабушка вздохнула... и ее не стало. Лицо было спокойное и умиротворенное. Было шесть часов вечера 16 декабря 1953 года. Как жила бабушка скромно, никому не надоедая, всех любя, всем помогая, так и умерла спокойно, скромно и красиво, никого не утомляя...

За месяц до смерти она сказала: «Сынок мой еще 5 лет после моей смерти поживет», – и, обращаясь к маме: «Ты не беспокойся, я не буду тебя обременять, я очень быстро умру». Папа умер в 1958 году, спустя 5 лет...

Так ушла из жизни эта необыкновенная душа, много пострадавшая сама, много любившая, беспокоившаяся за других и молившаяся за всех! То же чувство тревоги привело двух монахинь: Пульхерию и с ней еще одну монахиню. Они всю ночь молились, читали положенное. Все было совершено по-монашескому. Получилось так, что гроб ей сделали не по росту – значительно больше. Говорили, слишком много слез унесла с собой.

Как быстро весть о кончине бабушки дошла до людей! Сколько их приходило прощаться с ней: из соседних сел и из Курска, из Обояни и из Солнцева – отовсюду. Люди несли ее гроб до церкви на своих руках, каждый старался хоть коснуться его рукой, некоторые от самого дома до

церкви шли под гробом, согнувшись. Людей было столько, что даже областная газета позже выразила свое «соболезнование» весьма характерным образом: «Как допустили такие грандиозные похороны какой-то старушки?». Спокойно и торжественно пели певчие из Свято-Троицкого Курского женского монастыря. Три священника совершили отпевание. Люди плакали искренне, потому что понимали, кого хоронят. К кому теперь они пойдут, к кому обратятся?

Похоронили бабушку на Муравлевском (Зоринском) кладбище, на месте бывшего алтаря церкви в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Об упокоении ее души священники служили панихиды, люди шли поминать матушку несколько дней.

За всю свою жизнь от бабушки не услышали ни одного слова осуждения. Ни о ком. Наоборот, она всегда старалась оправдать человека, смягчить неприязненное отношение к нему близких. Не обижалась она и на мужа своего (могилку его так и не нашли). Все покрывала доброта. Крепость характера сочеталась с поразительным смирением и кротостью сердца.

Сон Людмилы Соколовой

После смерти бабушки я видела ее во сне всего несколько раз. Сны были пророческими. Обо всех писать не буду, хотя они были необыкновенные, но об одном сне или почти видении не написать не могу, так как благодаря ему поняла: роптание на Бога великий грех, и он легко не прощается. Я была днем очень огорчена, плакала и с упреком обращалась к бабушке: «Бабушка, ты говорила, что Бог есть, но наверное, Его нет». Это было днем в 3 часа 15 минут. Я взглянула сквозь слезы на часы и тут же заснула – и вижу: нахожусь в комнате, в которой умерла бабушка, сижу напротив иконы Божией Матери «Знамение». Икона Богородицы медленно-медленно поднимается кверху, а под иконой появляются святые – их было трое – и в центре стояла моя бабушка. Я поняла, как на том свете будут общаться люди. Она смотрела на меня с такой жалостью и недоумением, а я читала ясно ее мысли: «Внучечка, как ты могла такое сказать, даже так подумать, ведь тебе я духовно дала больше всех?! Я тебя прощаю, но мне тебя жалко». Все трое исчезают, икона Божией Матери возвращается на свое место. Открываю глаза: на часах 3 часа 15 минут. Видение было менее минуты, Но за свой ропот я понесла впоследствии немалое наказание. Остальные сны были тоже вещие, но хватит описания и одного, чтобы мой урок был

полезен всем. Не ропщи, за все благодаря Бога, ибо Он лучше знает, что тебе нужно. Прости, Господи, мое согрешение!

**Внучка Маргарита Матвеевна,
г.Курск**

Маргарита Зорина

После окончания курсов метеорологов я получила назначение на Камчатку, но денег, командировочных, не было, пришлось ехать домой. Обратилась к бабушке: «Наверное, меня туда не пошлют». А бабушка ответила: «Нет, твоя дорога ждет тебя, и деньги будут». Вскоре я все получила и уехала в Петропавловск-Камчатский. Благословляя, бабушка мне сказала: «А вернешься ты с Камчатки не одна». Перед отъездом бабушка взяла икону

Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и дала мне ее с собой. Она знала, что меня ждет скорбь.

На Камчатке я серьезно заболела, у меня обнаружили малокровие, врачи уже поставили на мне крест. Я уже не могла сидеть, нагнуться – тем более. Уже не думала, что буду жить, легла, перекрестилась и подумала: больше не поднимусь. И снится мне, как будто лежу я около моста и слышу два голоса: женский просит с мольбой: «Спаси ее, она такая еще молодая». Передать словами сладость того голоса невозможно, одежда коснулась моих волос, и я услышала другой голос, мужской: «Да, будет жить!» Я выздоровела, как только меня легонько коснулось одеяние женщины. Когда я через месяц пришла в поликлинику, врачи мне сказали: «Произошло чудо». Я считаю, что бабушка упросила Божию Матерь, а Она – Господа, и Он даровал мне жизнь. Вышла замуж, родила сына и дочь. Когда я вернулась, то семья отнимала у меня много времени, и никак не находилось свободной минуты, чтобы сходить на кладбище. И вижу два сна: первый раз я иду по лугу, а навстречу мне бабушка, проходит, не взглянув на меня, а второй раз я пытаюсь пройти к ней в кухоньку, но люди оттесняют меня. Проснувшись, я поняла, что бабушка зовет меня на кладбище. После этого опять видела ее во сне: она ласково мне улыбалась.

Во время войны мы с сестрой пошли в лес, топить-то нечем было, набрали хвороста, привезли, ну я и простыла.

Зубы стали болеть. С двух сторон – флюс. День прошел, другой. Я и говорю: «Ой, бабушка, не могу, так болят зубы!» А она мне: «Деточка, ты помолись Антипеп-Угоднику, авось и пройдет». Помолилась я, легла спать и вижу сон. Идет ко мне старец в белом, с бородой, – до сих пор его лицо помню. Подходит и говорит: «Ты же не одна, посмотри, сколько...» Поворачивается ко мне боком, и я вижу: за его спиной и дети, и взрослые, и старики, и все с зубной болью. Потом старец провел мне рукой по лицу. От этого прикосновения я вздрогнула и проснулась. Бабушка в это время молилась. Утром зубной боли как не бывало, и после всю жизнь ни разу не было.

**Правнучка матушки Мисаилы Ольга,
г. Курск**

Я всегда верила, что моя бабушка мне поможет. Она всегда знает, что нам нужно. Однажды у меня сильно заболел желудок. Две недели я очень мучилась. Врачи подозревали камни в желчном пузыре. Плохо мне было очень. И вот однажды я лежала, шевельнуться не могла, а бабушкина фотография – напротив меня, в монашеском одеянии, строгая такая. Ну вот, стала я ее просить: бабушка, миленькая, помоги мне, мне очень плохо. Просила, просила, и боль отошла постепенно. И вдруг ночью я ее вижу во сне: она такая маленькая-маленькая, вся в черном, издалека подходит и говорит: «А ты каждое утро водичку святую

пей, и у тебя ничего болеть не будет». И вот с тех пор, слава Богу, больше и не было такой боли.

Подруге моей бабушка очень помогла. Ее муж занимает в администрации высокий пост. Как-то раз вижу, что заворачивает к нам в деревню его машина. Подъехала, выходит из нее подруга и говорит: вот, захотелось на могилку к вашей бабушке приехать, потянуло что-то. Зашла в домик, приложилась к иконочкам бабушкиным, а на другой день с ее сыном случилось несчастье. Он с друзьями на машине катался, выпили. Попали в аварию. Машина, пролетев 8 метров, ударила в столб, да так, что на металлом осталось сдать, а сын живой, и все мальчики тоже, ни на одном ни царапины. Разве это не чудо! Бабушка помогла...

Астахова Лидия Георгиевна, г. Курск

Моего мужа, так как он был в плену, в 1947 году осудили на 25 лет в город Норильск. Пришла я к матушке за советом, была еще молодая и думала, стоит ли его ждать. Матушка ответила: «Мужа ожидай, его освободят, он вернется домой». Шла домой и говорила: «Не верю, как он может вернуться – 25 лет, сколько ему и мне лет-то будет!» Это было в 1948 году, а через 8 лет он вернулся и живем мы с ним до сих пор. И какой заботой я была окружена мужем Петром.

Нина Михайловна Денисова,

1997 год

Жила я с мамой в селе Гуторово, через луг от деревни Муравлево. Повела меня мама к матушке, так как от испуга я постоянно сильно заикалась. Матушка молилась и гладила камешком по головке. Болезнь моя прошла на всю оставшуюся жизнь, лишь когда волнуюсь, начинаю хуже говорить.

Позже пошли мы втроем к матушке посоветоваться о своем дальнейшем пути. По дороге смеялись, высказывали свое недоверие, не верили тому, что говорила мама, так силен был тогда дух атеизма. Когда мы к ней пришли, то не успели еще ни о чем спросить, а матушка и говорит: «Зачем вы пришли? Вы все равно не верите мне. Поступайте, как сами знаете».

Аксенова В. П.,
г. Курск, декабрь, 1997 год

В селе Муравлево Курской области жила одна старица, звали ее Матрена Гавrilovna. Позже она приняла монашество с именем Мисаила. Прославилась она тем, что к ней за советом стекалось множество народа из разных мест. Мы тогда жили недалеко от матушки на станции Полевая, и сколько я себя помню, у нас дома ничего не делалось без

совета матушки. Примеров можно привести очень много, все их не опишешь. Но вот два особенно запомнившихся я опишу.

Было это в тридцатые годы, когда на духовенство и крестьян было большое гонение. Однажды к нам во двор нагрянуло пять активистов по ликвидации недоимок. Тогда у мамы отобрали единственную корову, швейную машинку и два пуда ржи, а это был весь хлеб, который у нас был. Должны были опять прийти, и в это время, перед их приходом, к маме зашла матушка Мисаила. Она стала в святой угол и начала молиться. Стояла она на видном месте. Не видеть ее пришедшие активисты не могли, но все же – не увидели. Когда они ушли, матушка успокоила маму: «Ты не скорби, все они тебе вернут». А мама очень переживала, так как отобрали то, чем мы жили. И вот, действительно, вскоре корова сама пришла домой, а остальное принесли они сами, так как в это время брат был в армии, и это послужило основанием для снисхождения.

Второй случай был такой.

Послала я маму посоветоваться с матушкой об одном деле. Она посоветовала и сказала маме: «Да она за меня молиться будет». Это было в 1952 году. Я тогда не представляла, как это я смогу за нее молиться.

А получилось так: одна верующая мирянка попросила у Владыки благословения на чтение Псалтири, так как тогда монастыри и церкви были закрыты, и никто не мог соборно

молиться за своих близких. Владыка благословил собираться по двадцать человек и каждому читать по одной кафизме, таким образом, Псалтирь прочитывалась ежедневно. Я попала в эту двадцатку, все мы записали своих близких, и я записала матушку Мисаилу. Вот и молюсь за матушку до сих пор. Вот таким необыкновенным человеком была старица в миру – Матрена Гавриловна, в монашестве – матушка Мисаила.

Раба Божия Валентина

Пишу вам о нашей молитвеннице и прозорливице матушке Мисаиле. Я, грешница Валентина, в четыре года осталась сиротой со своей сестрой, а ей-то было всего два года. Через три года папа наш женился. Было это в 1937 году. Мачеха наша оказалась очень жестокой. В 1940 году папа за то, что не вступил в колхоз, был арестован и посажен в тюрьму, где и умер. Прислали нам похоронку. С нами жила больная бабушка – папина мама. Затребовала мачеха раздел – у нее тоже была дочь от папы, и ей нужно было выйти замуж. Вот и пошла наша бабушка Евдокия к матушке на совет. Только переступила порог ее комнатки, а она говорит: «Ну что вы задумали делиться? Потерпите, придет время – и каждый кустик ночевать пустит». А что это значило, нам было не понять. Пришло лето, и наш дом подожгли соседские дети, вот все и сбылось. Поняли мы

тогда, что нас сам Господь разделил.

Во времена коллективизации пошли две женщины к матушке. По дороге завидовали моей свекрови: вот, мол, какая у нее жизнь хорошая, муж работает счетоводом, а у нас все отбирают. Только переступили порог, а она им и говорит: «Вот вы все ропщете на жизнь, с голоду не умрете, будете с хлебом, а Дуне будет такое горе, что никому из вас не дай Господи». Прошло много лет. В 1956 году Дуня заболела тяжелой болезнью и пролежала двадцать пять лет.

У свекрови было три сына, а у соседки – два. Пришли они к матушке, посоветовались и собрались уходить, а матушка им говорит: «Подождите, я вам дам по огурчику». Они удивились, отнекиваются, – своих огурцов девять некуда! А она в ответ: «Нет, нет, мои лучше!» И вот они идут с соседкой и всю дорогу думают, что бы это значило. А через два месяца у свекрови умерли два сына от дифтерии, да у соседки сын тоже умер. Вот и осталось у них по одному «огурчику», сыну.

Моя родная тетя жила с матушкой в одном селе, недалеко друг от друга, и были они очень хорошими соседями. Матушка сказала ей однажды: «Придет время, люди лягут спать при одной власти, а встанут при другой. Но нас с тобой не будет». Говорила матушка: «Все те, кто был у меня и будут посещать мою могилку, на Страшном суде будут охраняемы мною. Они все будут идти впереди, а я позади их охранять буду». Матушка великий была

человек, и что бы она ни говорила, то все сбывалось. Моя сестра с подругой пошли к матушке, а сестра думает, что ее, сироту, никто замуж не возьмет, а у подруги вот и мать, и отец. Пришли к матушке, а она обращается к сестре: «Вот выйдешь замуж, еще люди будут завидовать». А подруге сказала: «И ты тоже выйдешь», – и покачала головой. Так потом и вышло: у сестры муж попался на все руки мастер, а подруга вышла за разведенного, да за такого злодея, что никому не дай Господи такого. Наши соседи передвойной хотели переехать в Курск, и Пелагея пошла к матушке за благословением. Матушка ее не благословила, сказала, что скоро люди из городов будут лететь словно птицы. И вскорости началась война. А моя бабушка хотела меня отправить в Симферополь к своей бездетной дочери, хотя матушка сказала, что Валя не успеет уехать. Собрала бабушка вещи, чтобы утром меня отправлять. Но тут объявили войну, я и не уехала.

**Нина Кирсановна Беседина,
д. Кизилово**

Побывала я в семье верующих, раньше эта семья была большая, а сейчас жива только одна сестра, Пелагея, сгорбленная от старости, но с отличной памятью. Отец ее еще в 1906 году был первостроителем храма Рождества Пресвятой Богородицы. Много писал на Афон, и ему

помогали, даже когда храм был уже построен. С Афона присыпали книги, иконы, и до сих пор у нее есть книга, присланная оттуда. Три сестры этой семьи были хорошие певчие. Так вот что рассказала Пелагея о своей семье. Во время революции брат поехал на Украину, чтобы заработать денег, хотя матушка Мисаила не советовала ехать. Уехал, да и пропал, так и не дождались его. Пошли к матушке, и она им сказала, чтобы поминали его об упокоении. Его убили очень близко от дома, ограбили и закопали. Потом уже были найдены его кости.

Сестра Зинаида ходила спросить о своем муже: он не писал писем с фронта. И матушка сказала, что он скоро придет раненый. А Зинаида думала: «Да как он придет, коль не пишет?» Матушка поняла ее мысли, серьезно посмотрела на нее и строго сказала, чтобы она его ждала. Вскоре пришел ее муж, тяжело раненный.

Еще одна сестра, Александра, тяжело болела, лежала в больнице. Домой пришла очень слабая, и пошла я с ней к матушке, еле дошли. Матушка положила руки на голову Александры, потом помолилась и сказала, что дойдет она до дома легко. А Александра как раз думала про себя, как она доберется домой.

У нас был очень старый дом, и отец задумал построить новый. Пошли к матушке за советом. А она говорит отцу: «Построишь себе домик с хорошим подъездом». Вскоре отец умер. Вот и построили ему новый домик, похоронили у

входа на кладбище. А когда начали умирать Пелагеины сестры, брат, то Пелагея плакала, а матушка сказала: «Не плачь, за всех молится отец».

Эта семья очень дружила с матушкой, и она говорила: «Как умру, приходите ко мне на могилку, я вам буду помогать». И вот что вспомнила еще Пелагея. Она была на могилке матушки, сорвала цветы, принесла домой и приколола под потолок. Потом сильно и долго болели зубы. Вот в это время она и вспомнила о цветке. Оторвала лепесток и положила к больному месту, и вскоре зубы перестали болеть и никогда с тех пор не болели.

Александра Афанасьевна Пахомова

Не собиралась я выходить замуж, потому что сильно прихрамывала на ногу, но жених меня уговорил. Пришла к матушке, переступила порог, а она сразу и говорит: «Вот и невеста пришла, твоя это судьба». И благословила меня. И вот до сих пор живем, как голуби – в мире и согласии.

У Кизиловой Пелагеи был муж больной. Пошла к матушке, а дорогой думает, что вот муж умрет, сын с фронта придет, так хоть будем жить спокойно. Матушка сказала ей, что скоро она останется вдовой, и с сыном свидание будет. Пелагея вскоре заболела, умерла, а сын на фронте погиб. Вот они и встретились с сыном, а муж остался живой.

Елена Шеховцова ходила к матушке за советом, когда задумали строить дом. Дали им землю на пустыре. Матушка посоветовала там строиться и сказала, что за ними будет построена целая деревня. Так и вышло: поле застроилось многими домами, и образовался хутор.

Александра Степановна Коровина

Когда отец был на фронте, я со своей мамой приходила к матушке за советом. Она говорила, что за него необходимо усиленно молиться и детей заставлять. Папа с фронта вернулся живой. А еще помню один неприятный случай. Это было в школе села Хвостово.

Сын соседки не хотел учиться, пришел к учителю и говорит: «Сделай мне свидетельство за семь классов». Учитель ему отказал. А парень пригрозил ему в ответ: «Ну, ты меня еще вспомнишь». И однажды кто-то поджег учительский дом. Жена учителя пришла к матушке, та ей ответила так: «О том, кто это сделал, узнаете в день иконы «Утоли моя печали». А это был день престольного праздника в церкви села Хвостово. Именно тогда и приехала милиция за этим парнем, на которого в свое время пало подозрение из-за его угрозы, и за его отцом. Учитель с женой сразу все поняли.

Зоя Петровна Кузьмина, г. Курск, 1997 год

Елизавета Филипповна Беседина пошла проводать свою сестру Раису. Муж Раисы был пьяница и дебошир и гонялся за нею с ножом. Вернулась Елизавета домой, помолилась, положила поклоны и дала обет перед иконами, что никогда не пойдет замуж. Прошло время, к Елизавете посватался жених, и она пошла к матушке за советом, забыв о своем обете. Матушка ее обличила: «Где твое обещание Богу?», – и Елизавета вспомнила. Прожила она девяносто пять лет, была певчей хора при храме и умерла мудрой девой перед Рождеством Христовым.

Зинаида Федоровна Пахомова в детстве часто болела, и сестра повела ее к матушке. Матушка положила свою руку на голову Зинаиды и сказала сестре: «Все пройдет, а вот когда будет выходить замуж, ни у кого не спросится». Так и вышло. Пошла Зинаида в гости к старшей сестре в другую деревню и пришла домой с женихом. Вышла замуж и прожила с мужем очень дружно до глубокой старости.

У моей знакомой Лидии в жизни произошло такое событие. Ее зять Александр работал в семидесятых годах в Щиграх трактористом МТС. Он попросил соседку передать его теще в подарок к 8 Марта платок. Соседка со своей матерью, по наущению врага рода человеческого, через этот платок содеяли зло Лидии.

Приехал зять к теще под Николу и спрашивает: «Мам, а где мой подарок?» Она удивилась: «А какой подарок?» Александр ей все рассказал, она пошла к тем людям и забрала свой платок. Через неделю заболела, да так, что отправили в психиатрическую больницу (Сапогово). Дети мать не оставили, дежурили подле нее по очереди. И вот однажды старшей дочери Марии в сонном видении явилась матушка и сказала: «Доченька, что же ты не идешь ко мне на могилку со своей бедой, ведь мать в тяжелом состоянии (при жизни матушка очень уважала рабу Божию Лидию), приходи, набери земельки с могилки и отвези матери, она поправится». Мария той же ночью вскочила с постели и весь путь, а он был длинный (около 15 км), пробежала, не зная, где могилка находится. Матушка привела ее к себе. Мария рассказала ей все, что случилось. Когда она набрала земельки, над могилкой появились голуби и провожали ее до самой трассы. Мария сразу поехала к матери. К своему удивлению, на северной автостанции она опять увидела голубей, кружавшихся над ее головой. Они провожали ее до самой больницы. Приехав в больницу, Мария увидела маму, которая стояла у окна с сестрой и улыбалась. Она отдала маме земельку. Скоро ее маму выписали. После этого случая Лидия еще долго прожила.

Анна Тимофеевна Фазулина, г. Курск

Я несколько раз была у матушки и хорошо ее знала. Первый раз я была у матушки в 1942 году. У нее была простая комната: стол и две лавочки, в обоих углах были иконочки. Я пошла с невесткой, и невестка моя говорила: «Да что она знает?» С таким настроением нам не советовали идти, но мы все равно пошли. Когда вошли к матушке, она говорит: «Да что я знаю, но проходите, проходите». Тем самым дала нам понять, с каким настроением мы к ней пришли. Я спросила об отце, жив ли он. Матушка ответила, что жив, живет хорошо, скоро получим от него известие и уедем к нему, но дорога будет несчастливой.

Потом матушка повернулась ко мне и сказала: «Не знаешь ни одной молитвы. Придет время, и ты узнаешь молитвы, и тебя Господь будет хранить». И дала мне молитву «Святый Боже».

Помню такой случай. В 1942 году на станции, недалеко от Полевой, занятой немцами, наши танкисты ворвались в поселок, завязался бой, жители попрятались кто куда, немцев выбили. Одна женщина очень плакала, ей сказали, что во дворе ее дома лежит военный лицом к земле. В свое время матушка Мисаила ей говорила: «Твой сын домой придет, но порога не переступит». Когда бой закончился, ее дочка пошла домой посмотреть – это действительно был их

сын и брат.

Зимой, в конце 1942 года, мы жили на вокзале станции Ямская и хотели уехать домой в Курск. Как-то шли мы мимо матушкиного дома: мама, моя тетя и я. Тетя говорит: «Давайте зайдем». А мама ей в ответ: «Что она знает?» Все же мы зашли. Матушка нам, как в прошлый раз, ответила, что она ничего не знает, но войти пригласила. Тетя сказала матушке, что мы решили ехать домой. «Собрались – и поезжайте, детей поморозите и назад приедете», – таков был ответ. Не доехая до Курска пятнадцати километров, мы зашли в какой-то дом отдохнуть, а нам сказали, что ехать не надо, так как немцы заставляют рыть могилы и расстреливают. Переночевали и решили вернуться обратно. Дошли до деревни Кувшиново, стали переходить поле, дошли до его середины, как вдруг начался сильный буран. Снег залеплял нам глаза. Дороги все замело, и мама шла на лай собак. Дошли до деревни. Там мы пробыли сутки, пока не расчистили дорогу, и вернулись назад. От матушки мы жили в восьми километрах. Она говорила моей маме: «Когда будете идти мимо меня, заходите, а потом дальше пойдете». И так они (моя мама и тетка) делали. Трижды они заходили к матушке, она в это время кушала, маму мою сажала с собой, а тетку – нет. Мама тетке говорила: «В чем дело, она меня сажает, а тебе слова не говорит». А тетка ей отвечала: «Потому что я гадаю». Когда мне мама рассказала, я ей объяснила: «Да это потому, что когда тетя

работала директором детского дома, к ней приехала ее мама (моя бабушка) и она отправила ее назад, а бабушка умерла с голоду. Это было еще до войны».

Вот какая была матушка Мисаила, ей Господом было открыто очень многое.

**Любовь Гладких,
г. Курск, 1998 год**

В 1947 году мой брат приехал с Украины с женой украинкой. Он был очень больной, весь живот был покрыт сыпью. Брат думал, что у него чесотка, но это заболевание не распространялось на всю семью. А семья у нас была большая: одиннадцать душ. Какими только мазями он не пользовался: ничего не помогало, а сам был такой худой, словно мохом поросший. Наша мама не раз просила его сходить с ней к матушке Мисаиле в Зорино, но брат каждый раз отказывался. Однажды мама его убедила, чтобы он проводил ее до матушки, так как надо было идти полем.

Пришли они в Зорино, брат в дом не пошел, а сел у соседа на крыльце. Мама зашла к матушке, а у нее было очень много народа. Когда все ушли, матушка обратилась к маме: «Почему твой сын не зашел с тобой?» Та ей в ответ: «Да он стесняется». «Иди и позови». Брат пришел. Она посадила его перед иконами и стала над ним читать молитвы. Очень долго читала, а потом сказала, что ему

«сделали на смерть», надо было раньше прийти. Затем дала им водички и добавила: «Когда приедете домой, пусть сын обмоется водичкой, и, Бог даст, все пройдет». После этого мама у нее спросила: «Матушка, сын едет на Украину за своей дочкой и просит поехать с собой сестру. Пускать ее или нет?» Матушка ответила: «Нельзя ей туда ехать».

После того как брат с женой привезли дочь с Украины и совсем переехали жить к нам, в нашей семье стали твориться неладные вещи. Садится семья обедать, мама наливает суп или борщ, а он весь черный. Папа начинает ругать маму: «Почему у тебя все черное, грязное?» Она ему отвечает, что все было чистым, а почему стало таким грязным, не знает. Стала мама следить за невесткой и увидела, как она сыпала землю в кастрюли с горячим. После этого мама сразу поехала к матушке. Она сказала: «Срочно провожайте ее домой на Украину, иначе она загубит всю семью». Когда брат стал спрашивать у жены: «Почему ты всю семью кормишь землей?» – она ему ответила: «Чтобы твоим сестрам и братьям не было счастья». А когда он провожал ее, она кричала маме: «Ни одному твоему сыну, ни одной твоей дочке, ни одному внуку не будет счастья». И, действительно, все больные и никому нет в жизни счастья. Этот брат умер рано, пятидесяти четырех лет. Сестра собралась замуж в 1948 году. Мама поехала посоветоваться к матушке. «Не ее жених, будет жених по ней», – был ответ. Три раза по плечу маму похлопала и

сказала, что не благословляет. Но сестра не послушала, вышла замуж. После свадьбы на второй день не всталла. Лежала день, не пила, не ела. Потом у нее ежемесячно начинались страшные боли, вызывали скорую и отправляли в больницу. После пятилетних мучений родила ребенка. Затем заболела многими внутренними болезнями; ей еще и пятидесяти не было, как слегла в постель и пролежала до 61 года. Врачи признавали рассеянный склероз, отказали руки, ноги и все органы. Вот что с ней стало, когда она не послушалась совета матушки.

И еще девушкам в назидание. Пришла раз мама к матушке, а у нее была девушка, которая спрашивала о парне: выходить за него замуж или нет. А она ей ответила: «Когда прикатала всю траву на лугу с ним, тогда только пришла со мной советоваться».

**Лидия Николаевна Каткова,
регент Вознесенского храма г. Ельца**

Будучи девочкой, я знала о матушке понаслышке. Моя мама была верующей женщиной, за это была гонима и была вынуждена переезжать из города в город.

В 1953 году мы посетили матушку. Она уже была стара, плохо слышала и с трудом ходила, но когда начинала молиться, то становилась неземной, словно прозрачной. Увидев матушку в окружении множества людей, мама

растерялась: «Как спросить о судьбе отца?». После молитвы матушка благословляла всех крестом из Иерусалима и при этом отвечала на все вопросы. И вот, когда подошла очередь мамы, матушка благословила ее и сказала: «Вы хотели спросить об отце? Отец живой, а вы будете поминать его за упокой».

Прошло некоторое время, и мама, потеряв всякую надежду дождаться мужа, по совету батюшки отслужила первую панихиду, а я поминала отца за здравие. В первую ночь после панихиды моей крестной приснился сон: видела она отца моего и предлагала ему принесенные на панихиду дары: «Николай, это тебе». От даров он отвернулся и промолвил: «Мне это не нужно, мне Лида дает».

Матушка прожила сто три года. Из каждого уголка страны она принимала людей. У нее было много вещей из Иерусалима, к которым она давала прикладываться, но не всем (так как многие приезжали из любопытства). Все приношения она принимала с большой радостью, как будто имела в них великую нужду. Сама же отдавала все принесенное другим. А большую часть из принесенного отдавала на храм «Всех скорбящих Радость», ремонт в церкви делался на средства матушки. После ее смерти, как святыня, разошлись кусочки дубового пенечка, который ставили ей под ноги. Благословляя меня с мамой домой, матушка, радостно улыбаясь, сказала: «Ничего они вам не сделают. Они будут осмеяны, а вас отпустят». И вот что

произошло в дороге. Я зарисовала в своей школьной тетради тринадцать разрушенных храмов, увиденных за окном поезда. На одной из станций в вагон вошли три милиционера, обступили нас с мамой, отняли тетрадь и задержали. Потом привезли нас в Белгород и сдали в местное отделение милиции. Там нас долго держали, двое милиционеров не выдержали и ушли, а третий остался. Следователь связался с отделением милиции по месту нашего жительства. Узнав, что за нами ничего не числится и отец наш погиб на фронте, нас отпустили. А милиционера, который нас задержал, и в самом деле осмеяли за то, что задержал малолетнего ребенка.

Я с детства пела в церковном хоре. Когда еще была школьницей, то детям запрещалиходить в храмы, и псаломщица хора, в котором я пела, в угоду властям не разрешала приходить мне на клирос.

Приехав к матушке Мисаиле, я пожаловалась ей на это. Она ответила, чтобы я не расстраивалась, потому что псаломщицы скоро не будет. И, действительно, через некоторое время храм был закрыт.

Также матушка предсказала, что я буду работать в церкви, управлять людьми. И вот уже тридцать три года, как я регент хора. Когда мне было шестнадцать лет, мне предложили это место, так как храму необходим был регент. Для этого нужно было разрешение уполномоченного, и староста храма повезла меня в Липецк. Я очень переживала.

Утомившись в дороге, я задремала. В этот момент мне явилась матушка, она быстро подошла, благословила и сказала: «Будет все хорошо, будешь служить в соборе». А было это в 1956 году.

Мне сейчас пятьдесят восемь лет, как-то раз с мамой мы подарили матушке свою фотографию. Матушка благословила фотографию и произнесла, указывая на меня: «Будет хорошая монашенка». А мне сказала: «Оставлю мир, пойду в монастырь, Богу помолиться, кресту поклониться». На старости лет будешь жить в монастыре под покровом Божией Матери». Я и раньше стремилась в монастырь, но Господь чудесным образом берег меня от непослушания. Я, будучи школьницей, пошла проситься в монастырь, не желая ждать старости, так как этого очень хотела, но получила отказ: «Придешь, когда будет восемнадцать лет».

В старших классах я не вступила в комсомол, мотивируя это тем, что если в монастырь не берут до восемнадцати лет, то почему в комсомол берут.

Я бережно храню портретик матушки и чувствую ее помощь на протяжении всей жизни.

При жизни матушка завещала своим чадам, чтобы они после ее смерти ходили к ней на могилочку и разговаривали с ней, как с живой, и она никогда не оставит их в скорбях.

Орлова Лидия, г. Курск

Жила я в селе Любичское Медвенского района. Когда была еще молоденькой девушкой, со мной произошла такая беда. Через улицу жила женщина и была очень злой. Однажды она, поругавшись с мамой, сказала: «Дочь твоя красивая, но я ей сделаю плохо». Мама даже внимания не обратила на эти слова. И вот, спустя три месяца, под Новый год, постом Рождественским, пригласила эта женщина нас, молодых ребят и девушек, в гости. Стала хозяйка разносить красное вино в рюмках, а мне поднесла после всех, одной. Я заподозрила недобroе и хотела перекрестить это вино и вообще не пить его, но побоялась насмешек своих друзей—комсомольцев. Ведь было время разгулявшегося атеизма. Как только выпила вино, сразу закричала, сразу же мне стало так плохо, что меня увезли домой.

Два дня я корчилась, вся извелаась, и отец мой посадил меня на сани и отвез к известному тогда врачу Акиму Никитичу Золотухину. Мне делали уколы, спасали, как могли, но ничего не помогало. Врач оказался опытный и после обследования посоветовал поискать батюшку. Рассказали моей маме о матушке Матрене, которая помогает безнадежным больным. Мама пошла к ней, рассказала, в чем дело.

Посмотрела она на маму и говорит: «Ах, как же это за

тебя доченька мучается». Дала ей для меня святую воду и наказала, чтобы как только мне станет немного лучше, я пришла к ней сама.

Полегчало, и я пошла пешком. Шла 12 километров. И вместе со мной столько, столько народу к ней шло! У каждого свое горе. Я подошла к ее дому. Люди по очереди заходили к матушке, по четыре человека. Смотрела матушка на посетителя и не спрашивала, зачем пришел, с каким горем, а сразу давала совет, как быть. Посмотрела на меня и говорит: «Ну что, попила водицу?» А я ей: «Ага», – вместо «Да». Матушка сказала, чтобы я села поближе. Взяла в руки крест и иерусалимский камешек. Читала молитвы «Отче наш» и «Богородицу» и еще молитвы краткие. Налила водицы, читала еще молитвы, осеняя три раза воду крестом и камушком иерусалимским. «Огради, Господи, рабу Твою Силой Честного Животворящего Креста Твоего, Небесным Омофором Пресвятой Богородицы, Небесными Ангелами, Херувимами, Серафимами, Ангелом Хранителем Божиим».

Помолилась и еще раз благословила. Сказала: «Останется водицы мало, приходи опять ко мне». И обратила пристальное внимание на другую женщину. Совет дала разумный, за единую минуту. Если она что говорила, советовала, то так и надо было поступать и сказанному верить.

Шла я от матушки домой, все было хорошо, и голова не болела, и так радостно и весело было идти! Вдруг у меня

открылась рвота – а я в тот день ничего не ела, выпив только у матушки пол-литровую кружку святой воды. Увидела я, как из меня вышли три кусочка черной крови, и мне стало еще легче, стало так легко и радостно, что мне казалось, что я лечу. Потом много раз ходила к матушке и поправилась потихоньку. Стала ходить в храм, вышла замуж и по сей день – в церкви. Матушку не забываю и поминаю всегда.

А женщину, которая занималась чародейством, даже не хоронили. Пропала, как и не было человека. Даже места на сельском погосте не нашлось, не приняла земля. Спаси, Господи, сохрани нас от такого зла.

Ходила я к матушке по дороге через станцию Полевую. Люди шли в Муравлево (Зорино) и рассуждали о том, как это она все знает, и все, что скажет, сбывается. Приходим, опять очередь во дворе. Входим в дом вчетвером. Матушка начинает говорить вошедшей вместе с нами женщине: «У вас всю пасеку укради, не волнуйся, имей в виду, моя милая, придешь домой, чтобы сразу отслужили молебны Спасителю, Пресвятой Богородице, Николаю Угоднику, Иоанну Воину и всем святым...».

Женщина, как и я, неразумная, говорит: «Матушка, а что мне сделать, чтобы нашлись улья?» А она отвечает ей: «Сделай то, что я сказала, и имей веру. Ваши ульи целы будут, даже принесут их в сад, где стояли». Потом при мне женщина эта приходила благодарить матушку: точно

сбылось, утром встали – 15 колод в саду, каждая на своем месте.

С подругой, помню, приходили мы к ней. Она подружке сказала: «Поедешь в город, будешь работать продавцом, попадешь в тюрьму, но ты не волнуйся, дадут два года, ты их не отсидишь, будет амнистия, и тебя выпустят. Поедешь домой к маме, на праздник, познакомишься с человеком, который станет твоим мужем, будешь хорошо с ним жить». Так все и исполнилось, слово в слово. И сейчас она живет на Украине очень счастливо.

Помню, как другая женщина о дочери своей спрашивала: за кого замуж выйти. Ее дочь заканчивала институт, дружила с парнем-студентом, и решили они, что поженятся. А поехала в другой город, в дороге, в поезде, познакомилась с военным летчиком, и он ей очень понравился. Матушка посоветовала: скажи дочке, пусть выходит замуж за студента, скажи, не послушает моего совета – очень плохо будет.

Потом уже узнала я, что не послушалась дочь той женщины. Вышла замуж за военного, чтобы побыстрей квартиру получить, поехали к его родным в гости, попали в аварию, отдавила машина ей ноги...

Я всегда ходила к матушке без денег, денег не было. Так она мне каждый раз давала гостинцев: пряничков, конфет, яблочек и булочек – тогда у нас этого не было... Каждый раз давала мне просфорочки. И шла домой всегда –

словно летела, весело, радостно, легко.

Еще говорила она, что когда утром встанешь, первым делом надо поблагодарить Бога, сказать: «Слава Тебе, Господи, что ночь прошла благополучно, дай, Господи, чтобы и денек так прошел». И вечером – то же. И дела начинать надо, говоря: «Господи, благослови». Без благословения, без благодарения молитва не полная.

Один человек может всех спасти, а может и погубить. Говорила матушка, на войне, когда командир ставит солдат в ряд, чтобы в бой идти, у каждого спрашивает: веришь, что мы победим? Солдат отвечает: «Верю», и другой – так же, и третий, а если кто усомнится, все могут погибнуть. Вот что такое вера. Еще помню. Женщина жаловалась матушке: плохая, мол, соседка у меня, ругается со мной. А матушка ей в ответ: и ты ругаешься с ней, бранью брань не прекратишь, только больше озлобишь, это как огонь огнем тушить. Надо терпение иметь, она ругается, а ты потерпи, а сама отойди от нее и умом помолись, скажи: «Господи, слава Тебе за все, дай, Господи, ей здоровья и прости нас обеих»; посмотришь, и тебе радостно будет, и ей, и будете беседовать без обиды, будто и не ругались вовсе. Часто повторяла матушка: надо любить людей.

Александра Жучина, г. Курск

Я, Жучина Александра Захаровна, родилась и проживаю в Курске. Хочу написать о матушке Мисаиле, которая любила мою маму Веру Ивановну Ковалеву. Моя мама часто вспоминала ее слова и рассказывала нам. Матушка говорила: «Мои благодетели будут идти на Страшном суде впереди меня, а я – за ними». Говорила, чтобы мама приходила к ней на могилку, что со временем там будет построен храм. Этот разговор был во время войны, когда она оставляла ее на ночь. Спали вместе на печи, а утром говорила, в какую деревню идти, чтобы не встретить немцев. Когда нас (двоих дочерей) взяли в Германию, мама пришла к матушке и рассказала о своем горе. Стали они молиться, и матушка сказала: «Как бы одна из них не была мертва, очень ей плохо». Моя мама просила ее помолиться, сама молилась и ходила в церковь.

А после нашего возвращения мама узнала, как нам там было. В то время, когда матушка предупреждала о беде, одна из нас болела воспалением легких, а вторую допрашивали, приставив пистолет к виску, и хотели расстрелять... Матрена Гавриловна часто моей маме говорила: «Тебя чужие углы бьют да бьют». Мама была сирота, в двадцать лет вышла за вдовца с четырьмя детьми, старшей девочке – восемь лет, а меньшей – два года. Когда

стали взрослыми, были суды за дом.

Матушка не всех принимала. Призывала всех к Матери Божией в Коренную, брать воду пить, ходить в храм, служить молебны для исцеления недугов своих. Приезжали к матушке из других городов за советом: как поступать в тех или иных случаях.

Когда я выходила замуж, мама поехала на совет. Она совета не дала, сказав, что будет другой жених, с домиком и садиком. Второй раз приехала мама и жалуется, что дочка не хочет слушаться. Матушка сказала: «Будет слезы лить не в горсть, а в пригоршню». Все сбывалось, что говорила Матрена Гавриловна. Матушка говорила мужу моему: «Ты попал в хорошую семью, на цветы не бросайся, не будь бабочкой». Муж хотел перейти на другую работу. Она не разрешила: «На одном месте камень мхом обрастает, не уходи, ты и здесь будешь начальником». Все так и получилось: ему подчинялись не только в Курске, но и во всех районах Курской области.

Когда я плакала, то вспоминала матушку, молилась, и мне становилось легко. К матушке приходили с разными скорбями. Она всех ублажала, давала совет. Строга была с теми, кто хотел делать аборт. При мне был такой случай. Она всех принимала, мы сидели и ожидали своей очереди. И вот зашла женщина с ребенком. Матушка что-то искала под загнеткой и достала спицу, подает женщине и говорит: «На! Убей его, сейчас он крещеный, а во чреве матери – грех

непростительный». Матрена Гавриловна, монахиня Мисаила, была для людей утешением. Она давала советы, и кто исполнял, тот был счастлив. Она говорила, чтобы были крещеные, чтобы обязательно венчались.

**Коробкова Галина,
1999 год**

Я, Коробкова Галина Ивановна, 1947 года рождения. Родилась в деревне Кувшиново. В многодетной семье я была последним, десятым ребенком. Самому старшему было 18 лет, когда он ушел на фронт (брать Николай, 1925 г.р.).

Моя мама (Воробьева Анастасия Ивановна, 1904 г.р.) часто рассказывала нам, что недалеко от нас, в деревне Зорино, жила матушка (имени, к сожалению, я не помню). Многие люди обращались к ней за помощью. И когда от Николая очень долго не было известий, мама обратилась к ней за советом. Дело в том, что она не знала, как его поминать в церкви: о здравии или за упокой. Маму встретила довольно пожилая женщина, пригласила войти и предложила присесть.

Мама заметила, что один угол комнаты, где они расположились, был весь занят иконами. Когда мама объяснила, зачем она пришла, матушка села на стул и как будто уснула. Потом она резко очнулась и произнесла:

«Нет, деточка. Ты его сейчас поминай за здравие, так как он находится в очень тесном месте. Ты скоро получишь от него весточку, потом другую, а потом сама увидишь, что будет».

Действительно, вскоре мама получила письмо от Николая, в котором он рассказал, что был в окружении и его спасли дедушка и бабушка, выдавшие его за своего сына. Затем было еще одно письмо, а потом пришла «похоронка». Николай погиб в 1945 году. В благодарность за совет мама решила отнести ей десяток яиц (больше нести было некого), но про себя подумала, что десять яиц слишком много, надо кормить детей, и понесла пять яиц. Когда она принесла яйца матушке, та отказалась их брать, повторив вслух мамины мысли о том, что надо кормить детей. Это все, что мне известно об этой матушке, буду рада, если хоть чем-то смогла вам помочь.

Лидия Хромцова,
г. Курск, 1999 год

Была у меня семья, деток двое. Дочери четыре года, сыну – два.

В начале 50-х арестовали моего мужа за кражу – и меня как соучастницу, «за сокрытие преступления». По решению суда детей отправили в детдом, а нас после приговора отправили по разным тюрьмам. Просидела я всего четыре месяца – и меня освободили, так как была амнистия для

имеющих детей (а статья была – от 10 до 20 лет!). Вернулась домой, а потом и детей забрала по очереди, хотя и с трудом. С работой тоже было трудно, никуда меня не хотели брать из тюрьмы. Наконец, взяли уборщицей на обувную фабрику. Жила на квартире и думала, пока молодая, построить хоть какой-нибудь домик-времянку, чтобы было, где жить с детьми.

Узнала про матушку и прихожу к ней. Людей было много, я встала у двери, а пройти боюсь. Она увидела меня, позвала к себе, спрашивает: «Что ты пришла?» – «Матушка, я пришла спросить, строиться мне или нет, брать план или нет?» – «А деньги-то есть у тебя?» – «Денег нет, матушка, но я надеюсь на Господа Бога».

Люди все заулыбались, дом без денег строить собралась! А матушка в ответ: «Ну что ж, деточка, – по столбику, по столбику, – стройся!» И крестом меня благословила. Немного спустя перевели меня подсобной рабочей в цех, зарплата стала намного больше. Стала я с Божией помощью заготавливать стройматериалы. А на еду почти не тратила. Куплю на месяц бутылку постного масла да один килограмм сахара – даже белого хлеба не позволяла. Вот так без голода был у меня голод. Зато со временем построила себе домик-времянку.

Степанов Николай, с. Бунино

Мой отец отказался идти в колхоз. Решил посоветоваться с матушкой, правильно это или нет, все люди ходили тогда к ней за советом. Пришел к матушке, а она спросила: «А как вы думаете: хорошо это или плохо?» Вроде, как у тебя, мол, голова есть, сам думай. Пришел домой и в колхоз так и не записался. У него отняли землю, не брали корову в стадо на луг, не давали работы, налоги платил вдвое, притесняли как могли. Кто не был в колхозе, тот претерпел муки, описать которые невозможно. Человек этот был презираем всеми.

Но во всех трудных ситуациях отец оставался чудом в живых и не боялся никого, уповал только на Божию помощь.

Степанова Мария Михайловна, с. Бунино, 2000 год

В 50-х годах у меня был сынок больной, плохо ходил и не разговаривал. Все люди над ним смеялись, ходил голый, умственно был отсталый. Было ему лет семь, замучилась я с ним, да пошла к Зоринской матушке посоветоваться, как быть с ним, узнать, наконец, что с ним происходит. Думала, что у него испуг с детства или «младенческая».

Пришла к матушке, рассказала все, а она подумала и поведала мне свою историю о какой-то женщине с подобной судьбой. И говорит, что, мол, у этой женщины мальчик с подобным заболеванием пожил до двенадцати лет и умер. Больше ничего не стала говорить. Мы уже забыли про этот случай. Прожил наш мальчик ровно двенадцать лет и летом умер на Троицу. Брат его стал корову выгонять, смотрит, а у него изо рта пошла пена с кровью.

**Алябьева Александра Трифоновна,
г. Курск, 2000 год**

Моя сестра Анна до войны вышла замуж, но брак оказался недействительным: у мужа были жена с ребенком. Отправила Анна его к семье. А во время войны в Курске появились военные, бежавшие из окружения, которым некуда было деться, возвращаться к своим – ждать неминуемого расстрела. Мы жили близ села Беседино на Выселках (10 дворов). Через нашу деревню проходили эти солдаты. И один из них решил остаться, жениться на сестре. Человек незнакомый, как поступить? Решили сходить к матушке за советом. А идти долго. Пока шли, дорогой сестра стала роптать: «Да что мы идем, да что она знает». Но все-таки дошли. Сразу с порога матушка повторила слово в слово, о чем был разговор. Но сестра встала на колени и попросила прощения. Матушка приняла нас. Когда

все рассказали матушке, она задумалась, закрыла глаза, а потом благословила на брак. Они поженились. Он затем довоевал до конца войны, вернулся. Воспитали четверых сыновей и дочь, дожив до глубокой старости.

**Гранкина Лидия Александровна,
д. Зорино**

У моей тети заболел сынок скарлатиной. Пошла она к матушке на совет. Матушка сказала ей: «Не умрет, но не кормилец». Когда исполнилось двенадцать лет, погиб, подорвавшись на мине.

**Гранкина Мария Степановна,
д. Зорино, 2000 год**

Пришла к матушке. «Ну, с чем вы пришли?» – спрашивает она. Отвечаю ей: «Муж меня бросил, ушел к другой, а сама я беременная, сынку вот еще пять лет». Матушка говорит: «Не одна вы – и много детей пострадало от этой женщины-разлучницы» (звали ее Мария Ивановна, была она председателем колхоза и поступала, как ей хотелось). И посоветовала мне матушка: «У вас рядом молельный дом, закажите просфору, разделите на 40 кусочков и раздайте за здравие мужа». Не прошло и месяца,

пришла я в больницу, где встретила эту Марию. А ей сделали операцию, удалили грудь, и она сказала: «Мы с тобой больше не встретимся». Умерла она. Мужа я простила ради детей своих.

**Толоконникова Зинаида Павловна,
д. Зорино, 2000 год**

У моей мамы родились близнецы в 1929 году. Принесла их к матушке. Она говорит: «Смотри на них, они от тебя уйдут». Пожили полтора месяца и умерли.

В 1943 году родилась у меня дочка Нина от пленного солдата, который стоял у нас в хате. Стыд и позор. Я в душе хотела ее смерти. Пришла к матушке, а она и говорит: «Хорошая у тебя дочка вырастет, будет добрая, замуж в этой деревне выйдет, люди будут завидовать». Так и вышло. Вот уже 2000 год. Дочка Нина живет в этой деревне, она счастлива и меня к себе забрала.

Второй случай помню, когда дочка подросла, а мы с мамой пошли в поле за кормом. Я послала маму домой, так как девочка осталась одна, а по дороге на маму напали волки. Она потеряла сознание, а я бегаю, ее ищу, плачу. Не знаю, что делать. Побежала к матушке. Она меня успокоила, сказав, что мама жива осталась и вернется на закате солнца. Так и было.

Третий раз я ходила к матушке, когда папа работал в

колхозе сторожем. Укради у него два мешка хлеба, и папу забрали. Приговаривали: «Мы тебе покажем Иерусалим». Он был верующим. Я к матушке. Ответ был такой: «Ему быть дома, он ни в чем не виноват». Оправдали его, и он пришел обратно.

Еще был очень страшный случай, о котором вспоминали долгое время. Матушка зря слов не говорила.

Из села Любецкое приходила женщина. Она была замужем, а муж уехал. Написал ей, чтобы она продала все и приезжала к нему. Матушка ее предупредила: «Совета моего не даю, потеряешь ребенка». Она воспротивилась: «Как я его потеряю?» Продала все. Принарядилась, взяла ребенка и поехала. Пригласил он ее куда-то. Отвез за город, подвел к огромному оврагу, велел раздеться донага. Здесь—то она все и поняла. Она разделилась, а один туфель не может развязать. Она попросила его развязать ей туфель, он нагнулся, а она его со всей своей силой и столкнула вместо себя. И полетел он в эту пропасть, а не она. Оделась и бегом в милицию, а адрес, куда приехала, забыла. Пока искали, хозяйка успела ребенка облить кипятком, и он умер. Так и потеряла ребенка. Потом приезжала, рассказывала всем, что бывает за непослушание.

**Бунина Анна Афанасьевна,
с. Бунино Солнцевского района**

В 1946 году мне было 22 года, родителей у меня не было. Отец воевал на фронте, и позже – известий никаких, а мама умерла в 45 году, оставив восьмерых детей мал мала меньше. Я приехала из Средней Азии в начале 46 года. Хотела детей сдать в приют, узнать об отце, поэтому пошла к матушке за советом, прослышиав от местных жителей о ней. Она мне сказала, чтобы я никуда детей не отдавала, придет отец и сам все сделает, а потом добавила: «Детка, война есть война, и на войне погибают, но ты побудь у них за отца и мать». Вот так я и осталась с ними. Воспитала их, выросли и разошлись. Теперь я думаю, что она все правильно сказала, не стала меня волновать. Спросила я еще про дядю, брата отца, жив ли он и где находится. Она сказала, что война без жертв не бывает и он погиб. Но и добавила: «Зачем он тебе, он с вами не жил и тебе не нужен». А тетка по матери хотела нас в приют сдать, ей нужна была наша хата. Пошла она к матушке на совет и вернулась очень злой. Матушка ей сказала: «Ты их не воспитывала и не воспитаешь, у них есть кому о них заботиться, сами будут жить». Вот так сказала, и все в точности исполнилось.

Коровина Клавдия Егоровна

Ходили к матушке с извечным вопросом о замужестве. Был у меня парень в армии, да посватался другой. Пришла спросить, за кого мне выходить замуж. Она спросила об их семьях, но родных не было у обоих. Матушка сказала, что надо ждать своего друга из армии, а за того выходить не разрешает. Проводила меня лугом, осенила крестом. Но не послушалась я ее и вышла замуж за другого. И вот теперь всю жизнь ее вспоминаю, так как жизнь не сложилась.

Вспоминаю, как мои две соседки, Захарова Евдокия Гавриловна и Бобрышева Надежда Васильевна, ходили к матушке спросить про своих мужей. У Захаровой Евдокии муж был сослан, и она спросила, где он находится и жив ли. Матушка сказала, что не ждать. А у другой женщины мужа забрали немцы. И ей старица ответила: «За кровь будет платить кровью». Дело в том, что он, будучи активистом в 30-е годы, сослал на верную смерть мужа Захаровой Евдокии по доносу. Вот когда все разрешилось, да еще и в назидание следующим поколениям: «Не желай зла ближнему своему».

Раба Божия Антонина,

д. Барышниково, 2000 год

В 1945 году вернулась с дочкой с фронта. Отец ребенка погиб. Вышла замуж, родила детей-двойняшек, двух девочек. А муж бросил нас, ушел жить к другой женщине из нашей деревни. Время было голодное, кормить детей нечем. От горя лишилась я разума: задумала отвезти этих девочек в «горелый лес», там военные жили, или в город, и подбросить в богатый дом. А дочекам по два годика было. Ночью снится матушка: «Приди ко мне на совет». Работала я на ферме, подоила коров утром и пошла к ней. Прихожу, матушка меня уже ждет. Зашла, она сидит, голова опущена и тихо говорит: «Что задумала, не делай. Сегодня дома ни кусочка хлеба, ни капельки молока, а завтра встанете и подаст Господь. Не губи детей, Господь лета тебе продлит, задумала ты страшный грех совершить», – продолжила она. Поразилась я, как это она все знает, и не ослушалась. И правда, утром просыпаемся – то свекровь принесет кринку молока, то старшей девочке что дадут. Да так и выжили. А сейчас живу в деревне Барышниково с одной из этих девочек.

Коровина Александра Васильевна, 2000 год

Я любила одного парня, но случилось с ним большое несчастье. Лишился он руки. И была я в раздумье, выходить мне за него замуж или нет, хотя, грешная, была уже беременна. Пришла к матушке, но не стала говорить ни о егоувечье, ни о своем грехе. Но она мне сказала, что я должна выйти за него замуж, что он – моя судьба. Благословила меня два раза крестом и сказала напоследок: «Никуда не денешься от него». Все матушка знала.

А сестра моя пошла спросить про мужа, он остался живой после войны, присыпал письма. Матушка ответила ей притчей, сказав, что многие остались на чужой земле, а многие погибли, когда ехали домой. А потом выяснилось, что эшелон, в котором они возвращались домой, взорвали, и он погиб.

ПОМОЩЬ МОНАХИНИ МИСАИЛЫ ПОСЛЕ ЕЕ КОНЧИНЫ

**Игумен Вениамин,
наместник Коренной Рождества
Пресвятой Богородицы мужской пустыни**

Произошло это в 2001 году, когда я был в скиту преподобного Серафима Саровского в Коренной Пустыни. Однажды напала на меня сильная головная боль, хотя обычно я головными болями не страдал. Трое суток мучили сильные боли, ничто не помогало вылечиться и тогда мне посоветовали съездить на могилу монахини Мисаилы. На ее могиле я отслужил панихиду, но боль не ушла. Тогда я спустился к источнику, который находится рядом и умылся. Неожиданно в течение нескольких секунд наступило полное исцеление.

**Осипенко Валентина Филипповна,
жительница села Муравлево, Курской области**

Всю жизнь я проработала фельдшером, лечила других, но в 2004 году сама серьезно заболела. Внезапно катастрофически стало падать зрение, появилось косоглазие, и все вокруг стало двоиться.

Я обращалась и к глазному врачу, и к невропатологу, а зрение ухудшалось, лечение результатов не давало, и тогда пошла на могилку бабушки. Обняла надгробье памятника и так горячо молилась и просила: «Матушка Мисаила, помоги мне». Трижды приложилась к надгробью, и вдруг меня окутала теплая волна, я даже отшатнулась от надгробья. Со мной было четверо родственников, и они почувствовали это тепло. У девочки девяти лет исцелилась ножка, а у меня прошла глазная болезнь.

**Лукьянчикова Ангелина,
Нечаева Наталья, Губанова Ольга,
г.Курск, 27.06.2010 года**

Ранним теплым тихим утром 27 июля сего года, подходя к могилке матушки Мисаилы, мы почувствовали благоуханный аромат, похожий на ладан. Были этим очень удивлены и восхищены. Поставив свечку, помолившись, поблагодарив матушку Мисаилу, спустились к источнику, на котором молилась матушка. Нас встретил водопад кристально чистой воды – водопад жизненной силы, радости, счастья и умиротворения. И весь этот короткий путь, от могилки до источника, нас сопровождал этот дивный запах и запах луговых цветов, скошенной травы. Захотелось еще и еще раз побывать на могилке матушки Мисаилы, источнике и в домике, где жила матушка.

**Зорина Зинаида Трофимовна,
1929 г.р., с.Зорино, июнь 2010 года**

В 1943 году я проживала в с.Зорино, меня из винтовки ранил полицай, пуля застряла в коленке. Мать отвезла в Курск в больницу, где два хирурга осмотрели меня и отказали в операции, так как с их слов, если ее делать, то моя нога останется неподвижной. Они посоветовали вернуться в деревню и ждать – может пуля сама выйдет. В деревне я полгода не могла нормально ходить, время шло, а ситуация с ногой не улучшалась. Тогда моя мама решила меня снова вести в больницу.

Однако перед поездкой пошла за советом к матушке Мисаиле, которая сказала: «Если отдашь ее в больницу, то хоронить тебя будет некому, а если не отдашь – дочь тебя похоронит, а нога ее пройдет, и она будет бегать и танцевать лучше других». Мать не поехала в больницу, осталась в деревне, а через день во время бомбейки больница сгорела дотла. Прошло время, нога прошла сама, и я потом действительно танцевала лучше и лучше других.

**Скрипкина Лидия Николаевна,
1958 г.р., г.Курск, 11.07.2010 года**

Рассказываю о случае чудесной помощи монахини Мисаилы. Это произошло в 2010 году. У меня сильно заболело ухо, да так что я не могла спать, такие были боли. Я обратилась к врачам, мне предложили лечь в больницу и сделать операцию, но я решила сначала поехать на могилку Мисаилы и на источник взять водички. Дома я помолилась и попросила помощи у Мисаилы, затем закапала эту водичку в больное ухо и легла спать. Утром проснулась, а ухо прошло, даже вообще не заметно было что недавно оно сильно болело. Операция не понадобилась. Все это произошло благодаря помощи матушки Мисаилы.

**Овсянникова Лариса,
г.Курск, 27.07. 2010 года**

Я начала ездить к матушке Мисаиле год назад. У меня пропадал и очень болел сын – пил, уходил из дома, а потом еще и серьезно заболел. Приезжала к матушке сама, как только улучалась свободная минутка. Потом мне удалось отвезти к матушке Мисаиле своего сына. Я в слезах от всего сердца просила матушку о помощи, о спасении души, здоровья и жизни моего сына. И чудо произошло. Вдруг

сын сам изъявил желание прекратить пагубный образ жизни, оставить все и уйти в монастырь. Сейчас он уже 2-й месяц живет в монастыре послушником. И все это произошло по благословению матушки Мисаилы. Низкий ей поклон!!!

**Гераскина Юлия Александровна,
г.Курск, 29.08.2010 года**

Я, Гераскина Юлия Александровна, рассказываю свой случай о помощи монахини Мисаилы. Это произошло в 2009 году, я очень сильно заболела. В больнице врач сказал, что ситуация очень серьезная и спасет меня только молитва. Я действительно была на грани жизни и смерти. Мне рассказали, что очень помогает в таких случаях помочь по молитвам к монахине Мисаиле. Пока я была в реанимации, муж поехал в д.Муравлево на могилку Мисаилы. Там он помолился за мое исцеление. Очередная операция прошла успешно, здоровье мое восстановилось. После выписки из больницы я поехала на могилку к Мисаиле и поблагодарила ее за своё исцеление.

Сергей, май 2010г.

В деревне Полевая, дом 122, проживает Калугин Иван Афанасьевич. Примерно в 40-х годах он страдал кожным заболеванием. За помощью обратился к матушке Мисаиле. Она велела ему на «чистый четверг» искупаться в реке и не вытираясь идти домой. Болезнь прошла.

Ларионов Владимир Никитович, 1961 г.р., д.Барышниково, Курского района, Курской области, август 2010 г.

У свекрови матери Дарьи Романовны было три сына и все были на фронте. Анастасия Николаевна, свекровь матери, пришла к матушке Мисаиле узнать, живы ли ее сыновья. Она успокоила, сказав: «Не волнуйся, но доживать ты будешь с Максимом, одним из сыновей». Двое из них погибли.

У Дарьи Романовны заболел сын 1948 г.р. Матушка Мисаила успокоила и подала ей святой воды, ладан и говорит: «Придешь домой – покади его ладаном и радуйся, что твое чадо в рай попадет». Он умер в 1950 году. Брат Владимира Никитовича живет в Харькове, сейчас ему 73 года и он на пенсии. Мальчиком он часто бегал к матушке Мисаиле, она баловала его лакомствами и говорила ему: «Вырастешь, будешь начальником». И, действительно, он

потом работал на заводе Малышева начальником ПРБ и начальником цеха до самой пенсии. Мать Владимира дружила с соседкой Бесединой Евдокией, часто ходила к матушке Мисаиле. Отправляясь к ней, Евдокия взяла стакан пшена Матрене Гавриловне, а сама подумала: «Моим бы детям хватило бы три раза сварить». Матушка ответила на их вопросы, а потом Евдокия подает ей стакан пшена, а матушка ей говорит: «Мне ничего не надо, а твоим детям хватило бы на три раза сварить». Евдокия упала перед матушкой на колени: «Матрена Гавриловна – это мои слова» – «Да, так ты говорила, а мне ничего не надо». Соседка Владимира Н., тоже жительница д.Барышниково, Таисия пошла к матушке и говорит подруге: «Зачем мне идти к Матрене Гавриловне, что она мне – кусок хлеба даст?» Приходят. Таисии матушка ответила на вопросы, а соседке молча отрезала кусок хлеба и подает. Та просто обомлела.

За последние 8 лет произошло много событий, прославляющих место «ценное-драгоценное», и они полностью подтвердили предсказание моей бабушки о том, что оно в будущем будет прославлено.

Отстроен новый домик для сохранения ее намоленных икон. Частично реставрирован построенный еще в 1937 году ее домик с кухонькой. По благословению Владыки Германа вновь воскресла в Муравлево дважды разрушенная в

советские времена церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», настоятелем которой назначен отец Сергий, вложивший много духовных и физический сил в возрождение этой святыни. А самое главное – с каждым днем растет и растет поток паломников в место «ценное-драгоценное» из Курска, других уголков России, из-за границы. И многие из них получают духовное и физическое исцеление по вере своей.

Я знаю, что бабушка никого не оставит, кто просит ее помочь в беде, она всех спешит утешить, помочь, спасти каждого из нас! Она всегда с нами!

Панихида на могиле матушки Мисаилы проводит отец Владимир

*Внучка Людмила Матвеевна рассказывает паломникам
о любимой бабушке, 2010 год*

Обновленный домик монахини Мисаилы, 2010 год

Часовня в форме кованой сени над могилой матушки, 2010 год

*Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»,
у кладбища, 2010 год*

Источник у реки Сейм, 2010 год

Отец Сергий освящает новый крест на могиле матушки

Люди, восстановившие домик матушки с отцом Афанасием

«Приходите ко мне на могилу, я всегда буду там с вами»

С августа 2010 года начал работу сайт в сети Интернет, посвященный матушке Мисаиле. На страницах сайта размещаются воспоминания и рассказы очевидцев о случаях помощи монахини Мисаилы людям при ее жизни и после смерти, информация о вышедших книгах, статьях, карта проезда к могилке матушки Мисаилы, фотографии.

Адрес сайта:

www.misaila.ru

**Выражаю благодарность людям,
оказавшим помощь в издании книги:**

Халявину Борису Павловичу
Малахову Александру Михайловичу
Королеву Михаилу Николаевичу
Асеевой Алле Владимировне
Шумакову Дмитрию Владимировичу
Ситникову Вадиму Владимировичу

**Выражаю благодарность людям,
оказавшим помощь в реставрации домика
монахини Мисаилы:**

игумену Афанасию (Медведь)
иерею Сергию Конореву
Ковалеву Олегу Викторовичу
Ковалеву Алексею Олеговичу
Бушуевой Надежде Митрофановне
Сальниковой Людмиле Викторовне
Тохтиевой Людмиле Ивановне
Параска Виталию Ивановичу
Ткаченко Владимиру Александровичу
Маркову Владимиру Ивановичу
Марковой Елене Владимировне
Малосаевой Татьяне Александровне
Макушкину Александру Георгиевичу